№ 403/к
А 3602 Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

7 (13)
1936

Центральный Государственный архив Октябрьской Революции, высших органов Советской власти и органов государственного строительства СССР
Ф. № 7030 оп. № 3 д. № 213

СОДЕРЖАНИЕ:

1. НА МОГИЛУ ВЕЛИКОГО ПАТРИОТА

ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ:

2. Д-р С. А. ФЕДОРОВ: Казачья Нация. (Казачье единение).
3. С. БАЛЫКОВ: От разброда к единению.
4. Инж. Д. Н. ЕРЕМЕНКО: По поводу сов. охоты за каз. черепами.
5. А. Е. АЛИМОВ: Коммунистические щупальцы
6. ЗАПОРОЖЕЦ: Советская мощь, как она есть.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

7. Проф. Ф. А. ЩЕРБИНА: Пережитое, передуманное, осуществленное (прод).
8. А. Н. ТРОФИМОВ: Степан Тимофеевич Разин (прод.)

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

9. КЕЛИН
10. Г. ШЕВЕЛЬ: До музи.

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

11. СССР. не — Россия. В. КОРЕНЕВ.

ОТКЛИКИ

12. „Избег в казаки". И. ЧЕПРАКОВ
13. В темную не идем. М. ЛАЗАРЕНКОВ.

ПО ОРГАНИЗАЦИЯМ

ХРОНИКА

Журнал „Казакию" можно получать:

1. В Париже у Балинова: 7, Rue Chemin Creux. loinville le Pont (Seine)
2. В Берлине у Овсяника: Konigin Elisabettisstr 41. Berlin — Charlottenburg.
3. В Праге у Федорова: laromirova, 456. Praha—Nusle Udoli.
4. В Братиславе у Балыкова: Ruzova dolina, c 199
5. В Брно у Запорожца: Krkoskova, 29. Brno—Husosice.
6. В Польше у инж. Тулаева: Wilno, Pielkielko. 7 m 1.
7. В Белграде у Е. Перфильева. Донска ул. 3 р. 1.
8. В Лионе у Хорунженко, 82, av. Sidoine Apollinaire. Maisôn O. Lyon (Vaise)
9. Казаки из всех других стран могут выписывать прямо из издательства и склада: София ул. Царь Симеон, 5. П. Н. Кудинов.

Успех казачьего национально-освободительного политического движения в значительной мере зависит и от моральной поддержки его внешним культурно-политическим миром.

Эта поддержка будет оказана только в том случае, если наше движение наглядно будет пользоваться симпатией казачьей народной массы.

Свою симпатию к идее собственной свободы казаки лучше всего могут показать тем, что массовой подпиской будут поддерживать и укреплять журнал, защищающий идею казачьей самостоятельности.

„Казакия" — единственный собственно-казачий независимый печатный орган, пропагандирующий идею освобождения и государственного возрождения Казачества.

Все искренние и бескорыстные казачьи патриоты обязаны об'единить свои духовные и материальные силы вокруг „Казакии" для верного достижения намеченной ими цели.

Подписываться на журнал „Казакию" можно: у местных Окружных Атаманов, у членов ЦП, у представителей или непосредственно через редакцию. Из тех стран, откуда нельзя заграницу высылать деньги, расплату можно производить купонами международного почтового союза. Окружные Атаманы и члены ЦП., получившие подписку, должны немедленно извещать издательство, дабы оно своевременно могло высылать подписчикам журнал.

Помните казаки, что только культурный человек чувствует потребность в печатном слове, что только культурный народ имеет собственную прессу и что только культурный народ заслуживает уважения его права на свободу и самостоятельность.

ПОПРАВКА. В прошлый (11—12) номер „Казакии" вкрались следующие ошибки: 1) В статье от ЦП., на первой странице, в левом столбце, в 17-й строке, если считать снизу наверх, после слова: „погибнуть" пропущены слова: „и исчезнуть". 2) В статье „О каз.-укр. отношении", на 17-й странице первые четыре строки левого столбца набраны совершенно излишне и они не относятся к содержанию статьи. 3. На стран. 16-й, в левом столбце, в 37-й строке, после фразы: „Между Казачьим Национальным Движением" пропущена следующая фраза: „в лице Центр. Правл. ВК—КН. и Украинским Нац. Движением" ...

Печатница „Св. Ив. Рилски" — София, ул. „Св. св. Кирилъ и Методий" № 9.

Рос 4-7/1-857 А 3602 В. Глазков

КАЗАКИЯ — КОЗАКІЯ — KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№ 7 (13) ✸ Июль 1936 года. Болгария, София, Царь Симеонъ, 5 ✸ № 7 (13)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА

НАД МОГИЛОЙ ВЕЛИКОГО ПАТРИОТА

(К 60-летию со дня смерти Христо Ботева)

В истории борьбы угнетенных народов за свободу и самостоятельность самые яркие страницы, наполненные примерами необыкновенной отваги и самоотверженности, принадлежат первым болгарским националистам, в особености их вождям.

Всего 60 лет тому назад болгарский народ задыхался в могучих тисках Турецкой империи. Казалось тогда, что маленькому болгарскому народу никогда не освободиться от турецкого гнета. Так называемый здравый рассудок и трезвый расчет ничего, кроме молчаливой покорности, не могли подсказать в те годы ...

Но на другом берегу Дуная, на территории Румынии, скоплялись болгарские националисты-фанатики, люди со смелыми сердцами и твердыми решениями, а в Бухаресте Любен Каравелов издавал свои — „Независимость“ и „Знамя“. Горячие патриоты — поэты и журналисты стекались к этим идейным очагам, и неслись отсюда песня о свободе и зов к борьбе ...

В 1867 году Филип Тоти с небольшой дружиной переплывает Дунай и появляется на родной земле, чтобы погибнуть здесь в борьбе за болгарскую независимость.

В 1868 году, т. е. годом позже, гайдук Хаджи-Димитров с 18-ю (восемьнадцатью!) героями переправляется через Дунай и нападает на 4 турецких полка и гибнет.

Так, один за одним, гибли в неравной борьбе вожди болгарских националистов. Но эти жертвы не остаются бесплодными. Там и сям, по болгарским городам и селам, угнетенный народ начинает проявлять признаки пробуждения. Национальное самолюбие болгар начинает просыпаться под звуки патриотических песен и при свете кровавых жертв вождей-героев.

Ясно, что в такое время гениальный поет, смелый муж, богатырь и красавец по виду, — Христо Ботев-не мог не оказаться в первых рядах патриотов. Посланный своим отцом в Москву — учиться на доктора медицины, — он сворачивает на Бухарест и становится сотрудником „Независимости“ и „Знамени“.

После гибели ряда выдающихся вождей болгарского национально-освободительного движения, Христо Ботев, оставив перо поэта, берется за оружие. По духу, по уму, сердцу и внешнему облику прирожденный вождь массы, Ботев и здесь оказывается в своей тарелке.

В мае 1876 года он приступает к организации собственной боевой дружины. Собрав человек около 200 (двести!), он делит их на небольшие группы, распыляет их по разным дунайским пристаням и, в условленный день, группы эти, под видом мирных пассажиров, садятся на австрийский параход „Радецкий“.

Когда параход приближался к болгарскому городку Козлодую, куда он не имел в виду приставать, перед ошеломленным взором капитана появляется Христо Ботев, одетый в боевую форму болгарских комитаджей, с револьвером в руке. „Мирные пассажиры“ стоят за ним в виде грозных воинов, ждущих жеста своего командира.

Испуганный капитан, по требованию Ботева, причаливает к Козлодую и высаживает отряд на Болгарской территории. Так началась очердная яркая и кровавая драма в истории борьбы болгарских националистов за освобождение своего народа.

В ночном бою выгнав турецкий гарнизон из города Враца, сбив турок и с горы Милин-Каймак, ботевцы осадили гору Веслец. Утром 20 мая разыгрался здесь кровавый и неравный бой с вдесятеро сильным турецким отрядом, и отряд Ботева был окружен.

Только 20 человек удалось туркам захватить живыми!...

Смертельно раненый, Христо Ботев упал на руки Николая Обретенова, младшего из четырех братьев, последовательно ставших жертвами борьбы за свободу Болгарии. В числе 20 пленных был и родной брат Христо — Кирил Ботев.

К 1926 году, т. е. ко дню 50-летия со дня смерти Христо Ботева, остались в живых четыре участника боя на горе Веслец. К 60-тилетию, т. е. к настоящему году, остался живым только один участник и сподвижник Ботева. Это — генерал Кирил Ботев.

Пламенный поэт, патриот и храбрый боец — Христо Ботев оставил по себе не только незабвенный яркий исторический эпизод, который тысячелетиями будет вдохновлять националистов всех народностей, не только прекрасные стихи, высоко ценимые всеми знатоками поэзии, но и глубокий, выразительный политический афоризм:

„Кто погиб в борьбе за свободу, тот не умирает“ — так гласит мудрость Христо Ботева.

В набеге Христо Ботева изумляет читателя его хладнокровное сознание неизбежности гибели. Прощальное письмо его жене и двум детям, написанное уже с парахода перед самой высадкой, трудно читать без сердечного волнения идейному националисту.

Пример героизма и жертвенности Христо Ботева и его сподвижников может быть образцовым уроком для националистов всех народностей, которые готовятся к борьбе за независимость. Он показывает, что в национальной борьбе напрасных смертей не бывает, и что кровью политые семена свободы, рано или поздно, дают пышные всходы. Воз-

можно, что холодные скептики и умники тех времен называли Филипа Тоти, Хаджи Димитрова, Василия Левского, Христо Ботева, Любена Каравелова фантазерами и безумными и т. д.... Возможно... Но прошло всего 60 лет, и жертвы их окупились Свободной Болгарией...

Читая героические акты болгарских патриотов, у кого из казачьих националистов не сожмется крепче рука, а в душе не затвердеет гранитом решение — „смерть или свобода" — другой лозунг Ботева?!.

В год 60-тилетия со времени смерти великого болгарского патриота, издавая на его свободной родине наш орган независимости, казачьи националисты низко склоняют головы над могилой Христо Ботева — богатыря патриотизма.

Д-р С. А. Федоров (Прага)

КАЗАЧЬЯ НАЦИЯ

(Казачье единение)

Едва ли не самым главным признаком проявления казачьей самоосознанности следует считать чувство своего единства по всей широте расселения Казачества.

О единении Дона и Запорожья говорили раньше, известный украинский историк, так близко стоявший и к Донскому казачеству, Костомаров подтверждает его: „одинаковость в устройстве во многих чертах тут и там, те же самые названия выборных начальников, атаманов, есаулов, одинаковое управление, суд., финансы, строгое товарищество. У тех и других чувствуется стремление сохранить свою корпоративность против государственной власти, но вместе с тем и готовность служить государству с ограничением своей воли".

Жаль, что Костомарову не удалось написать историю Донского Войска, на что он дал согласие Войсковому правительству, мы тогда наверняка имели бы иные выводы из истории Казачества, чем те, которые имеем сейчас по российским источникам. Костомаров то был светилом именно русской истории, хоть и украинцем по рождению и чувствам.

Однако, перейдем к наиболее для нас интересному послереволюционному периоду. Революция была встречена неподготовленной казачьей общественностью чрезвычайно широко, она проявляла политическую солидаризованность на всех фронтах своей жизни. Орган казачьего представительства — Совет Союза Казачьих Войск в Петрограде — был проявителем одной воли, одной мысли Казачества, не смотря на его разбросанность на колоссальной территории Российского государства. Комиссары Временного правительства на территориях казачьих Войск, сами казаки, шли навстречу духу казачьей демократии, и эта подготовленность Казачества к строительству государственной жизни дала возможность быстро организоваться, побороть на местах исполнительные комитеты российской революционной власти и дать крепкий авторитет Войсковым Раде и Кругам, который и сейчас живет среди Казачества на Родине и об'единяет его в эмиграции.

В особенности в период борьбы Керенского с Корниловым, а далее и с Калединым, проявило Казачество мудрость, умеренность и демократичность, а вместе с тем и небывалую солидарность, всех без исключения Войск, от Дона до Тихого океана, готовых и вооруженной рукой помочь старшему брату Дону, против воинственно карательных поползновений Керенского. Здесь казаки проявили высоко развитое чувство общественности и казачьей самосознательности. Казачество, взявши в свои руки власть на своих территориях, наметило и осуществило в жизни такие высокие идеалы своей седой старины, каторые, всего лишь менее чем полтораста лет тому назад, получили проявление в лозунгах великой Французской революции — **свобода, равенство и братство**; эти лозунги и теперь считают величайшим достижением всего человечества и именно благодаря французам, а их наши казачьи предки осуществляли в такой седой старине, когда у всех просвещенных европейских народов господствовало право сильного и грозная тирания.

Казачество во всей своей массе понимало, что всегда, как только оно ставило себя в зависимость от Москвы, последняя, как Каинова печать, несла за собою ограничение вольностей и прав исконне приобретенных и ущерб казачьим интересам; казачья масса всегда что-нибудь теряла при этом, и Казачество в массе всегда это чувствовало.

По словам участников первого казачьего с'езда, их поражало то явление, что не было никакой разницы в убеждениях казачьих представителей, и генерал и рядовой казак, профессор и малограмотный, все одинаково проявляли свои мысли и чувствования, утверждая все постановления почти единогласно, не смотря на то, что с'ехались люди и с Амура, и Кавказа, и Туркестана, разделенные один от дуугого тысячами верст, разбросанные островами среди моря иных народов, не бывшие целыми столетиями в связи; все они принесли на с'езд одну и ту же мысль, и все ее единогласно высказывали.

Это казачье единство радовало всех, и тогда Казачество воочию увидело, почувствовало и убедилось, какую громадную силу представляет оно в своем единении. Единение это сила и показатель казачьей организованности, и в свое время оно не раз приводило к большим и знаменательным делам и последствиям. Эта сила держит нас и сейчас в эмиграции и заставляет обращаться к Казачеству не только друзей его, но и недругов.

Как говорилось в декларации Союза Единства Казачества, каждое Казачье Войско есть едино в своей организации, в каждом Войске казаки преимущественно состоят из хлеборобов, хотя имеется определенный процент ремесленников и совсем незначительный рабочих и иных классов. Казачество имеет свою интеллигенцию, в эмиграции в особенности широко образованную, в некоторых войсках и дворянство, насаженное свыше российской властью, но ни классовые, ни сословные признаки не определяют сущности Казачества; и раздельность и противоречия этих признаков не могуть нарушить казачьего единства.

Не мог нарушить этого единства и брошенный в 1917 г. лозунг разделения Казачества на трудовое и нетрудовое, оно целиком отбросило его, ибо Казачество есть цельный и единый нац. организм. Каждое Войско в самом себе едино и все войска вообще, все Казачество — едино. Казачьи войска едины и в своих отличиях, в особенностях, различающих казаков от остальной части населения б. Российской империи, а между войсками — полное сходство.

Казачество и там, на Родине, и здесь, в эмиграции, среди страданий и унижений, разбросанное, по всему земному шару, было и будет единым; единение Казачества — его сущность, его принцип, в единении Казачества — его сила.

Во времена далекой старины казачество было едино, монолитно, и оно было одним обыкновенным Казачеством, и имея одну цель и устремления, всегда достигало их. Благодаря этому, казаки предпринимали великие дела; в короткое время они заняли Урал, Сибирь, были пугалом Турции, Польши и Москвы, сажали на троны владетелей, королей и царей. Но, как только казаки начали зависеть от Москвы, последняя начала делить Казачество на ряд Войск. Москва, разбивши целое, начала убивать Казачество по частям. Возможно, что в конце концов Казачество было бы уничтожено совершенно в своем значении, если бы не вспыхнула революция и не началась борьба Севера с Югом. Продолжая сохранять созданное Москвою положение, каждое Войско повело борьбу с нею на свой страх и риск, самостоятельно, несогласованно, и только поэтому оно было побеждено, но победа над ним привела к укреплению идеи необходимости об'единения всего Казачества в одно целое в духовном, народном и государственном значениях и к необходимости выявления своей истинно казачьей нац. физиономии.

Теперь поднят лозунг — **казачий народ есть единый,** нет казака донского, кубанского, терского, сибирского или оного, взаимно непонимающего и отчужденного, есть просто казак и, как следствие этого, весь Юго — Восток (вся вообще **Казакия**) должен быть единым спаянным твердым сознанием своего единства народного и государственного, иначе Казачество не сможет противостоять силам справа и слева, красным и черным и иным силам, каковые чрезвычайно значительны, завидущи и загребущи!

И если казаки националисты усилили и уточнили этот лозунг, то он был выдвинут как раз казаками, умеренными-автономистами, что то вроде б. российских Ка-де-тов.

„Нет настоящей нации без единства, постоянного единства без независимости, независимости без воли“ — говорит Левинский.

Если Казачество желает быт равным в великой ассоциации народов, то оно должно иметь свое отдельное существование, свое имя и свою собственную силу.

Как каждый осознавший себя народ, оно должно уконституироваться как нация.

Осознанность этого проникает все больше и больше в казачью среду. Самосознание своего казачьего — Я овладевает все больше и больше почти всем положительно Казачеством. Знаем это и видим и в проявлениях казачьей жизни там, под красной пятой. Психический перелом Казачества, обозначившийся со времени революции, приобрел явно выраженые формы. Все это явилось следствием пробуждения исконних казачьих инстинктов. Упомянутые ранее условия казачей жизни, постоянная борьба со стихией и враждебным людом как раз и дали направление к кристализации особой психической структуры казачьего мозга, которая и ведет по пути углубления осознания народных и национальных прав Казачества вплоть до окончательного их осуществления и своей независимой государственности — **Казакии**.

С. Балыков (ЧСР)

ОТ РАЗБРОДА К ЕДИНЕНИЮ

I.

Среди полторы сотни народов, составляющих население СССР., нет ни одного, положение которого было бы столь печально и сложно, как положение Казачества. Ни над одним иным народом большевики не производят таких экспериментов, как над Казачеством. Отъ кровавых мер полной ликвидации до циничных мер к использованию во внешних и внутренних войнах — все испытало многострадальное Казачество, оставшееся на родной земле, под властью коммунистов! . . .

Здесь же, на чужбине, десятки тысяч казаков, 16 лет тому назад бывших во цвете лет, с каждым годом численно уменьшается, живые стареют, многие прирастают к чужим полям, а немногие дети их часто растут в смутном представлении о Казачестве, как о своем народе.

Эти два явления там и здесь и грозят свести некогда грозную силу Казачества на нет, обрекая народъ на исчезновение в конечном счете.

Поэтому не удивительно, что казачья эмигрантская общественность нервно ищет путей и средств исправления положения. Образовались различные течения, различные партии и группировки, предлагающие различные способы решения казачьего вопроса.

Таким образом, к первым двум печальным явлениям на родине и на чужбине прибавилось третье — развал казачьей общественности, который вот уже много лет не изживается, а наоборот углубляется. В тот момент, когда судьба народа требует максимального напряжения силы об'единенной общественности, продолжается вредное расслоение.

Это положение понимается казачьей народной массой, которая начинает недоверчиво и злобно относиться вообще ко всем группам и требовать от своей интеллигенции об'единения.

Но об'единения нет. Его и не будет, пока рядовое казачество своим массовым движением в пользу той или иной партии не даст ей наглядную победу над другими.

Это единственный способ изжить слишком долго продолжающийся развал казачьих интеллигентных сил, об'единить преобладающее их большинство вокруг одного какого либо решения вопроса, чтобы с большими шансами на успех пытаться провести это решение в жизнь.

Казачья народная масса в эмиграции должна понять, что все эти казачьи партии и группы, предложив вниманию массы свои цели и задачи т. е. дав понять казакам—куда каждая из них ведет Казачество, ждут от своей народной массы ее решения — за кем и куда ей идти.

А масса, словно не понимая, что от нее хотят, до сих пор продолжает стоять на распутьи, не принимая никакого решения. Поэтому получается заколдованный круг: интеллигенция, разбившись по целям и задачам на различные партии, ждет от массы решения в чью-либо пользу, а масса, не принимая этого решения, ждет об'единения интеллигенции.

Рядовое казачество должно понять, что спор идет только вокруг него, ибо каждая партия и группа, предложившая то или иное решение вопроса, расчитывает и ждет, что народная масса именно за нею пойдет и продолжает вести пропаганду и звать казаков на свой путь.

Таким образом, развал, который был вызван естественным разномыслием в важном вопросе, продолжается только потому так долго, что народная масса не может до сих пор разобраться в целях и задачах всех партий и принять в явно преобладающем количестве сторону какой либо партии.

Разобраться, конечно, не легко, но разобраться необходимо, ибо только хорошо разобравшись, она может принять решение и сплотиться вокруг того или иного ядра, вокруг которого и может сосредоточиться вся казачья интеллигентная и народная сила, а все остальные партии и группы, поняв свою неудачу, постепенно утихнут и сойдут со сцены.

Таким образом, самый ответственный вопрос — об'единение сил общественности — ложится на плечи простой народной массы. Поэтому точное раз'яснение рядовым казакам целей и задач каждой партии и группы представляется важнейшей задачей тех, кто лучше разбирается в лабиринте политических программ этих партий.

Это важно потому, что принятие массой правильного или неправильного решения предопределяет всю дальнейшую судьбу народа.

Самой же народной массе разобраться в этом лабиринте не так легко, ибо каждая партия, с усердием стамбульского лотошника, зовет казака к себе и на разные мотивы расхваливает свой товар; каждая партия уверяет, что спасение Казачества только у них...

II.

В данной статье я и постараюсь еще раз кратко и ясно указать казаку основные русла, по которым растеклась казачья политическая мысль и куда эти русла ведут Казачество в конечном счете.

Казачья политическая общественность к данному времени явно разбилась на три основных и главных ядра:

А) На ядро, состоящее из людей, которые судьбу Казачества неразрывно связывают со всякой Россией, рассматривая Казачество как неотделимую часть ее, а казаков, как русских людей. Это — всякие казачьи руссофилы, начиная от романовцев, кончая сталинцами, от монархистов, через федералистов, до „оборонцев" и „примиренцев" включительно.

Б) Второе ядро составляется из людей, которые судьбу Казачества хотят разрешить вне зависимости и связи с Россией, рассматривая казаков как отдельный народ, могущий образовать свое самостоятельное государство, имея к тому все данные. Это — националисты.

В) Третье ядро, пожалуй, самое большое, слагается из людей, готовых примириться с решениями обоего крыла без больших переживаний. Это — беспартийные.

Я здесь не буду говорить о тех ответвлениях от каждого из указанных трех русел. Определив свое отношение к одному из них, уже легко найти свое место и в отношении второстепенных рукавов.

Главными аргументами разных видов казачьих руссофилов в пользу своего решения казачьего вопроса служат следующие утверждения:

а) Кажущаяся им неосуществимость освобождения Казачества из под власти России;

б) предполагаемая ими политическая непрочность и экономическая слабость самостоятельного Казачества, если бы даже удалось освободиться;

в) этническое единство казаков и русских т. е. казаки и мужики один и тот же народ;

г) обеспеченность для Казачества сносного существования в составе России при той власти, какую данная группа казаков русской ориентации пропагандирует т. е. монархисты находят, что самодержавный царь даст казакам хорошее положение, федералисты —при федеративной России, „оборонцы"— при советской власти и т. д.

Главными аргументами казачьих националистов в защите идеи самостоятельного казачьего государства являются:

а) Казачество до настоящего печального положения докатилось исключительно в результате нахождения под властью России, в результате служения российским государственным интересам, забыв об интересах собственных;

б) единственное средство предотвратить гибель Казачества это—освобождение его из под зависимости России и организация собственного казачьего государства из совмежно расположенных войск;

в) Казачество имеет все виды неот'емлемого права на такую государственную самостоятельность, как-то: этническую обособленность т. е. Казачество особый народ в семье славянских народов, экономическую возможность, обусловленную богатством природы, исторические прецеденты, как самостоятельное существование в древности, возобновленное на два года после Русской революции;

г) уверенность, что для осуществления идеи казачьего освобождения настанет, рано или поздно, благоприятная внешняя политическая обстановка.

Вот главные аргументы двух противоположных течений в казачьей общественности. Само собою разумеется, что обе стороны страстно и пространно защищают свои решения казачьего вопроса. Чтобы не повторять всего того, что многократно ими сказано, мы не будем здесь приводить всех многочисленных аргументаций сторон, а только обратим внимание казаков на те главные, основные и бесспорные моменты, которые составляют слабость или силу той или другой стороны.

Не будем совсем касаться могущих быть соображений беспартийных. Мотивы и побуждения их разнообразны, от личного характера до личных или общественных расчетов включительно.

Надо только заметить, что виновниками продолжающегося раскола в казачьей общественности. главным образом, являются именно эти беспартийные люди, ибо на двух противоположных сторонах есть уже твердо определившиеся сторонники из народной массы и неопределенность создают только эти колеблющиеся нерешительные выжидатели и непредрешенцы, из за них только ломаются копья.

Лично я беспартийность в такое время осуждаю, ибо мне такое состояние кажется недостойным безразличием к вопросу о судьбе своего народа.

„Беспартийность есть биологическая форма поведения рабов" — говорит социолог.

III.

Главная слабость казачьих руссофилов заключается в том, что они утверждают национальное единство казаков и русских и, в то же время, желают сохранить для казаков какие-то особые права и положения в отличие от прав и положений русского народа, тогда как, если казаки русские и живут смежно с главным ядром своего народа, нет никаких оснований выделять казаков особо от общей массы и искать для них каких-то собоых положений. Раз казаки русские, то что будет мужикам, то должно быть и казакам. Не имеет право центральная государственная власть, коль она законна, выделять и фаворизовать одну какую-то часть народа.

И действительно, ни одна русская политическая партия казаков за особый народ не считает и, следовательно, никаких им особых положений не гарантирует. Отсюда ясно, что Казачество, находясь в составе России, рано или поздно, будет растворено, казаки уравнены на общем основании с мужиками и, как этнический фактор, исчезнут. Это — с одной стороны.

С другой стороны — все казаки русской ориентации на свое руссофильство смотрят как на политику, обеспечивающую Казачеству лучшее будущее и совсем не говорят об исчезновении и растворении казаков в составе русского народа.

Непонимание такого основного противоречия между желанием казачьих руссофилов и тем, что Казачество непременно ожидает впереди, в случае торжества их политики, есть самое слабое место в позиции всех ориентировщиков на Россию.

Дальше, имея главным козырем народное единство казаков и мужиков, казачьи руссофилы свою позицию неотрывности Казачества от России подкрепляют тем, что будто казакам не удастся освободиться, или — если даже освободятся, то будет невыгодно. То есть, они утверждают о единстве и неразрывности казаков и русских и, в то же время, говорять о том, что не удастся, или будет трудно существовать. Значит—если бы удалось и можно было бы хорошо существовать, то можно, мол, и отделяться!...

Третьей важной ошибкой казачьих руссофилов является то, что они не обращают внимания на складывающуюся вокруг нас политическую обстановку, на ход и направление развития мировой политики и потому делают ошибочные выводы как насчет перспективы собственной, так и насчет перспективы националистов.

Они не понимают, что есть независимо отъ нас предопределенный и предрешенный ход вещей, пытаться изменить который нашими силами бесполезно и что долг в этом случае заключается в том, чтобы и в грядущих условиях обеспечить своему народу выгодное положение.

„Познать закономерность совершающегося и найти в этой закономерности свое место—такова первая обязанность политика" — учит социология.

Говоря проще — предположим, что отторжение от России известной полосы уже предопределено и ничто не в состоянии это предотвратить. Не есть ли в таком случае обязанностью каждого сознательного народа, живущего на этой полосе, заранее готовиться организовать собственную государственную жизнь, нежели представлять из себя бессловесный аморфный туземный колониальный материал?...

Я считаю совершенно лишним возражать против утверждения руссофилов о политической и экономической слабости будущего казачьего государства. Все казаки знают и свои богатства и свою силу. Тем более мы видим, как народы гораздо слабее и беднее Казачества живут себе припеваючи самостоятельно и не представляют из себя материал для социальных экспериментов.

Между тем, действительное положение таково:

а) Дальнейшее продолжительное существование в России коммунистическо-интернациональной власти несет Казачеству непременную гибель: После полутора десятка лет кровавого террора над казаками, уничтожив самую лучшую и здоровую часть народа, Москва старается остаток Казачества израсходовать во внешней войне, организовав из них отдел ные конные части.

б) Закабаленные в СССР народы уже не в состоянии собственными силами освободиться от коммунистов.

в) Среди решающих внешних сил есть активное течение против коммунистической России, которое в нужный момент всегда поддержит стремления закабаленных там народов к государственной самостоятельности.

г) Наряду с этим, в мире нет ни одной силы, которая была бы устремлена в сторону освобождения России из рук коммунистов и возрождения единой и неделимой России. Все уже прекрасно видят, что Россия совсем не едина и очень легко делима.

Исходя из этих существующих данных, каждому должно стать ясным, что казачьи руссофилы, зовя казаков на свой путь, на путь ориентации на Россию, ведут Казачество к медленной или скоропостижной смерти.

А казачьи националисты, правильно уяснив коренную причину казачьих несчастий, базируясь на твердых казачьих правах и возможностях, правильно уловив направление грядущих мировых политических событий, зовут казаков на единственно правильный путь спасения Казачества.

Поэтому каждый казак, прежде чем решить присоединиться к той или иной партии, должен внимательно разобраться, куда она ведет. Тогда он поймет, что идти за всякими казачьими руссофилами—кириловцами, милюковцами, керенцами, сталинцами, новопоколенцами, миллеровцами, это значит—способствовать гибели своего Казачества, а стать на национальный путь, это значит — помогать спасению Казачества.

Перед вами, казаки, — два пути. Вы находитесь на том распутьи, когда, пойдя по одному пути, можете сделать роковую ошибку, или, пойдя по другому пути, сделаете верный шаг.

Но стоять и дальше в раздумьи нельзя. Так можно простоять всю судьбу Казачества. Чтобы изжить раздор и раз' единение в среде казачьей эмиграции, чтобы об'единить казачьи силы, рядовому Казачеству обязательно нужно, хоть наконец, сделать выбор и стать на один определенный путь ...

Вокруг казачьего национального движения уже об'единено значительное число рядового Казачества, но этого мало, нужно, чтобы вокруг этого ядра об'единилось подавляющее большинство, и тогда только другие партии потеряют надежды и угаснут.

Если казачья рядовая масса и дальше будет молча следить и выжидать, не давая победу ни одной партии, а интеллигенция, разбитая по этим партиям, и дальше грызться, ожидая решения казачьей массы, то ответственность за печальные последствия ляжет на самих рядовых казаков, а не на интеллигенцию.

Всегда, везде и всюду интеллигенция по каждому важному вопросу расходится во мнениях, и только масса, если она сознательна, решает вопрос — по чьему быть.

Сегодняшнее положение Казачества действительно печально. Время и события нас не ждут, и нужно казачьей общественнасти браться за подготовку к реальным событиям, и очень ненормально, что значительная часть казачьего народа и интеллигенции до сих прводлжает пребывать в пассивном состоянии выжидания. 1936. 5.

Инж. Д. Н. Еременко (ЧСР)

ПО ПОВОДУ СОВЕТСКОИ ОХОТЫ ЗА КАЗАЧЬИМИ ЧЕРЕПАМИ

В Советском „Союзе“ назревают события чрезвычайной важности. Эти события несомненно отразятся и на судьбе Казачества. Считаю по сему совершенно необходимым всем казакам и казачьим общественно-политическим организациям заблаговременно выявить свое определенное отношение к факту новой политики советов в отношении Казачьего народа.

В последнее время страницы советских газет стали регулярно пестреть дифирамбами в адрес Казачества, восхищениями и умилениями казачьей славой, казачьей дисциплиной, его высокими боевыми качествами, способностью к организации, к труду и т. д. Начинают даже говорить о Казачестве, как о народе, достойном подражания с советских трибун. Требуют от казаков верности и готовности драться за „великую социалистическую советскую родину“ и, как бы в доказательство его, что старый вольно-казачий дух уже перекован в идею борцов за всемирную социальную революцию, советские газеты приводят письма казаков „мудрейшему вождю“ (и прочая и прочая) Сталину.

Не буду здесь подробно перечислять все виды и формы советских об'яснений в любви к казакам и о „подлинности“ этих, „единогласно“ принятых казачьих писем. Казаки, и страдающие в большевицкой неволе и на чужбине скитающиеся, знают цену всему этому.

Сотни тысяч наших братьев, преждевременно от руки чекистов погибших, море казачьей крови, пролитое коммунистами и зверское уничтожение и разрушение национально-казачьего уклада жизни не могут быть забыты под лживыми трескучими фразами сталинских попугаев.

Эти советские ухаживания лишний раз свидетельствуют о подлинной змеиной натуре русских комдворян. Невинно погубленные ими сотни тысяч жизней лучших казаков они нам не вернут, а потому никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах Казачество, во имя павших казачьих героев за свою самобытность, не может примириться не только с коммун. властью, но и вообще властью того народа, который произвел на свет эту власть.

В настоящий ответственный момент, в момент упорного ухаживания большевиков за казаками, восемьнадцать лет продолжающаяся упорная и жестокая борьба казачьего народа против русской коммунистической эксплоатации и рабства должна быть до крайности заострена.

Самый же факт подобного советского ухаживания и даже чуть ли не заискивания коммунистических заправил перед Казачеством анулирует утверждения казачьих пессимистов и различных „доброжелателей“ казаков о том, что Казачый народ физически уже не существует и что все Казачество физически уничтожено.

Несмотря на бешеный темп работы советских мастеров из ГПУ по уничтожению Казачества, Казачий народ жив. Сильный Казачий народ, его упорство и выносливость, его крепкий организм, сознание своего достоинства, сознание своего казачьего — Я, казачий национализм, даже всему свету изсвестные своим „опытом“ советские палачи-чекисты не смогли сломить.

Ми, казаки-националисты, никогда не сомневались в духовной крепости и моральной силе Каза-

чества. Свое глубокое убеждение о правильности и жизненности вольноказачьей идеи, мы, казаки-националисты, обосновали именно как раз глубоким, неисчерпаемым родником народно-казачьей духовной силы, казачьей древней и богатой историей, великой и неугасимой волей Казачества жить своим разумом и свободно.

Свой энтузиазм в патриотической казачьей работе, пафос для бескомпромиссной борбы с врагом Казачества, казаки-националисты всегда черпали и черпают из недр крепкой сильной народной казачьей души.

Факт поворота советов „лицом к казачеству" как нельзя лучше доказывает правильность идейной установки казачьего национализма, автоматически оправдывает наше стремление освободить Казачьи Земли и Казачий народ из-под ига советов и организовать собственное казачье государство—Казакию.

Народ, который смог сохранить себя при всех глубоких потрясениях, бывших неоднократно на протяжении его многовековой бурной истории, народ, который выдержал даже страшные нечеловеческие пытки в застенках советского ГПУ, достоен судьбы цивилизованного и духовно сильного народа.

Тяжелое внешнее положение СССР, готовое каждую минуту разрядиться военным столкновением на двух противоположных и далеких друг от друга границах, исключаюших возможность действия по внутренним операционним линиям, внутреннее напряженное состояние принудило современных красных владык Кремля вспомнить о Казачестве.

Только опасность обстановки заставила их вспомнить о казачьей храбрости и удали, об остриях казачьих шашек и пик, о могучих ударах казачьих рук и о возможности использовать эти высокие качества для спасения коммунистической власти от грозящей опасности.

Не подлежит никакому сомнению, что советская власть внутри себя по прежнему остается верна самой себе, ее ненависть к Казачеству нисколько не уменьшилась и что только под давлением сложившейся международной обстановки вынуждена действовать в целях более уничтожения казачества с пользой для себя — т. е. послав его массами на бойню против своих внешних врагов. Они решили использовать наилучшие казачьи черты — боеспособность и дисциплину. А потом, использовав казаков во внешней войне, она, коммунистическая власть, уже легко уничтожит оставшую часть Казачества, вернувшись к прежним своим методам разграбления и массовых ссылок в гибельные концлагери.

Вот в чем, собственно, и заключается вся сущность нынешней большевицкой охоты за казачьими черепами.

В этой их политике повторяется одна трагическая часть казачьей истории. Большевики копируют и повторяют метод прежних русских царей. И Петр — I использовал казаков во внешней войне, а потом залил кровью и пожарами Дон, и Екатерина—II, развратница, чисто по большевицки разорив казачьи гнезда, целыми войсками расказачивая казаков, вспомнила о казаках, когда наступил на горло внешний враг, стала засыпать казаков посулами и послала на врага. И даже Николай II неоднократно и даром использовал казачью силу! Одним словом— как только приближалась внешняя опасность, все кремлевские владыки, независимо от цвета мундира и флага, оглаживали казаков, сыпали льстивые слова, прося защитить, обещая осыпать милостями, а проходила война, миновала опасность и обескровленное Казачество опять начинало испытывать нажим с центра, урезывания своих прав, своих земель, угодий и прочих. К этому испытанному способу вернулись и большевики.

Мы, современные казаки, особенно остро и наглядно испытываем на себе „благодарность" русского народа — „богоносца" ... Да будет, хоть наконец, для нас поучительным уроком вся эта повторяющаяся трагедия нашей истории, и послужит она грозным предостережением при решении казаками вопроса о своей судьбе. Пора уже нам понять, что службой России казакам никогда свою судьбу не улучшить, а все только будем ухудшать ее и себя даром обескровливать за чужой интерес.

Чтобы эта печальная история не повторилась теперь, чтобы избежать в будущем потоков казачьей крови за московские интересы, все истинные казаки должны направить свои усилия и действия к тому, чтобы так восхваляемый советами крепкий удар казачьей шашки и пики пришелся по голове коммунистов, действительныхъ и непримиримых наших врагов.

Первостепенной и неотложной нашей задачей в настоящий ответственный для Казачества момент должно быть стремление поставить возрождающиеся казачьи силы в СССР на свои казачьи рельсы, на борьбу не за „социалистическую родину", а за свое чисто казачье дело, за казачьи интересы, на путь устроения собственной самостоятельной и независимой казачьей хаты — Казакии.

Достижение этой цели для каждого истинного казака, в полном смысле этого слова, должно быть святой обязанностью. Лишь казак по названию, но в душе раб, лакей или, может, предатель, судьбу Казачества может представлять иначе.

Полумеры и компромиссы нас не спасут, а только радикальное решение вопроса. Вне самостоятельности у Казачества неть спасения.

„Узурпированное право нельзя защищать пассивностью и предоставлением вольных рук тому, кто узурпировалъ это право, а только активным противодействием, проводимым на основе законности". (К. Гавличек).

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

А. Е. Алимов (Парижъ)

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ЩУПАЛЬЦА

Циничный принцип: „цель оправдывает средства“ с дьявольским упорством и ловкостью применяется большевиками в их стремлении к мировой революции. Во всех положениях, в оборонительном и наступательном, те же средства — ложь, клевета, демагогия, подкуп и насилие. Умеют большевики нащупывать и создавать ударные фронты из обанкротившихся беспочвенных масс, изверившихся в свои силы, признавших безжизненность своих идеологических символов людей, трусливо ищущих случая включиться в коммунистическую семью!..

Сравнительно недавно случилось нам побывать на двух собраниях русских оборонцев. Судя по составу инициативной группы, оборонческое движение составляется именно из изверившихся бродячих людей, сбитых с панталыку печальной действительностью русской эмиграции.

Прежде, чем открыто выступить с проповедью своего „дела“ и ответить на доводы инакомыслящих, инициаторы (видимо по методу Казем Бека) предварительно обзавелись небольшой, но надежной, группой „ударников“, на которых, видимо, лежит задача быстро, по стахановски, кулачным боем расправляться тут же на собрании с противниками главных докладчиков.

Нас, казаков, это русское зрелище мордобития инакомыслящих на публичном собрании лишний раз убеждает в превосходстве силы русского кулака над силой русской „цивилизации“ и „могучего, свободного русского языка“.

Достойно внимания и то, что председатели на обоих собраниях, проф. Алексеев и Лебедев, нисколько даже не возмутились поведением своих ударников, а спокойно продолжали собрания, как будто кулачные бои эти были предусмотрены программой. Эти граждане вполне выявили свою способность совмещать собственное достоинство с лойальностью к бунтовским проявлениям русской толпы. Кроме того, они же отличились и способностью к отчаянной демагогии и подтасовкам, качествами, которые так свойственны всем большевицким „работникам“...

Проф. Алексеев в своей вступительной речи на первом оборонческом собрании говорил как-то вяло, как бы стыдясь, непривычной роли, в которой он, действительно, казался мешковатым. Он утверждал, что нападающие на Сов. Союз руководятся колониальными интересами, что колониальная политика угнетает подчиненные народы, что „нельзя торговать живым товаром“, в чем он обвинял русских пораженцев т. е. русских эмигрантов правого крыла, готовых „клочками русской земли“ уничтожить коммунистическую власть в Сов. Союзе.

Принял за неизбежное столкновение европейского национализма с коммунизмом, проф. Алексеев скорбит и опасается за целость СССР, толкуя по своему первопричины борьбы двух идей. Зная прекрасно реальность угрозы коммунизма соседям СССР и всей Европе, Алексеев утверждает, что соседи нападут на СССР ради колониальных интересов“. А о том, что агрессивную политику на протяжении 18 лет не перестает вести Красная Москва, г. Алексеев, видимо, принужден молчать...

Сказал он правду, что колониальная политика угнетает подчиненные народы: Гнет колониальной политики Москвы чувствуют многочисленные народы!.. Только напрасно он набрасывается на своих русских пораженцев, обвиняя их в том, что те, будто, собираются раздавать „русские клочки земель“. Если русские пораженцы действительно собираются раздачей „клочков земли“ избавить родину от коммунистической интернациональной власти, то гг Алексеевы должны бы только радоваться, ибо раздавать то они собираются совсем не русские земли, а чужие, только оккупированные Москвою, которые, рано или поздно, все равно должны были быть очищенными от русских.

Болея душой за эти „клочки“, проф. Алексеев выявляет интересное качество русского человека — анексированную Россией чужую землю считать священной ее собственностью, хотя эта претензия не более обоснована, чем претензия грабителя на награбленное им чужое добро. Но „ничто не вечно под солнцем“. Так и судьба русского империализма логически пришла к своему концу, и слезы империалистов нас только утешают, ибо они льются в предвидении того, что все закабаленные русскими народы обретут свою законную свободу и возвратуют себе свое естественное право на владение своими землями.

Русские большевики новой формации, бывшие белые, имеющеие свое постоянное гнездо на Рю Пуатье № 12 и называющие себя „русскими национал-максималистами“ официально, а между собою „русскими национал-большевиками“ разрешают нац. вопрос в. „Новой Росии“(?) по принципу солидарности народов, с тем, однако, условием, что „руководящим центром, задающим тон, „будет Москва!“... Стремление-же угнетенных Москвою народов к обороне они называют „сепаратизмом“, вливая в это слово какое-то нехорошее содержание, будто стремление народа к самостоятельности есть нечто такое, что достойно презрения.

Таким образом, самое левое и самое, казалось бы, свободолюбивое течение в русской эмиграции национальный вопрос разных народов разрешает не иначе, как превалированием великорусского народа над всеми остальными, без свяких качественных данных у него для такого положения.

Вот из этого национал-большевицкого гнезда родилось в Париже „оборонческое“ движение. Поэтому не удивительно, что „партизаны“ проф. Алексеева своих противников убеждают по чисто кремлевскому способу.

В заключительной речи проф. Алексеев, в подтверждение своей глубокой веры в эволюцию советской власти, заявил: „мне не нужно идти к Сталину, он сам движется ко мне“. Сомнительно, чтобы Сталин, с своим могучим аппаратом власти и послушным многомиллионным темным народом, доведенным до собачьей покорности, снизошел бы до шага навстречу беженцу Алексееву, но несомненно то, что последний предстоящую „встречу“ со Сталиным желает приподнести нам в виде движения к нему Сталина.

Наилучшим образом гг. Алексеевым (всем оборонцам) отвечает сам руководитель Коминтерна, ближайший сотрудник Сталина, тов. Димитров, который говорит по поводу новой тактики коммунистической власти: „Находятся мудрецы, которым чудится во всем этом отступление от наших принципиальных позиций и какой-то поворот вправо от линии большевизма. Что же, „голодной курице — как говорят у нас в Болгарии — всегда снится просо". Пусть так думают политические курицы".

Изверившийся в эс-эровскую будущность, бывший активный сотрудник Керенского по разрушению б. Российской империи, ныне павший к подножью трона Джугашвили—Сталина, гражданин Лебедев, восседая рядом с проф. Алексеевым на собраниях оборонцев, злобно потрясая своей бородой, изрекал: „Весь упор врагов направлен на Россию! Польша выступает на стороне сепаратистов—врагов России! Желания сепаратистов и пораженцев ничтожны и плоски! Ленин не раздавал территории. На что мне свобода, если не будет России?" и т. д.

Ответим гг. Лебедевым: О какой России они говорят? О бывшей и ныне уже несуществующей, т. е. о той, которую великоруссы заменили коммунизмом, вопреки воле других народов?... Или они говорят о „новой России", которая рисуется в их воображении?... СССР. для нас никая не Россия и его мы знать не желаем, Во-вторых, упор „врагов" направлен в коммунизм и нас это только радует. В третьих — стремления всех сепаратистов достойны уважения, ибо всякий народ, который не раб по духу, обязан искать возможность вернуть себе утерянную свободу.

Мы, казачьи националисты, заявляем, что наша земля принадлежит по закону человеческому и божескому нам, а не русским, и мы сами ею распорядимся. Мы знаем, что наша земля станет нашей только после ухода оттуда пришлой коммунистической власти вместе с завезенными ею мужиками из Московии.

Любопытно отметить, что на втором оборонческом собрании появилось новое очкастое лицо. Мои неизвестные соседи, при его появлении у президиума, зашептались: „Соломончик, Соломончик". По его ловко построенной речи, старательной чеканке слов, я понял что это еврей. Говорят, что это — Марк Слоним, вероятно родственник того Слонима С., который сотрудничает в „Правде".

Поэтому не удивительно, что он заявил: „Мы ведем перекличку, мы перекликаемся с теми, кто остался там". Несомненно перекликается, ибо СССР. одна из „обетованных земель" для евреев во всем мире. Сохранение коммунистической власти в России для евреев — важный национальный вопрос. В своей смелой и крикливой речи этот еврей доказывал, что коммунисты ни на кого не собираются нападать, ибо они, по заявлению Слонима... „еще не готовы, им нужен мир". Спасибо хоть за откровенность. Он подтвердил наш вывод, что миролюбие коммунистов — только вр. тактика и что они не отказались от идеи мировой революции в принципе.

Одним словом, парижские инициаторы „оборончества" из кожи лезут, желая привлечь сердца эмигрантов на сторону Сталина, но успеха, кажется, не имеют. Как ни ловко подкатываются советские „работники" к эмигрантам, то в виде евразийцев, то в виде защитников крестянства, охранителей революции и прочее, а народ уже разбирается. За ними идут только те, кто этого хочет.

Подлинное значение „оборончества", по моему, метко выявил проф. Федотов на собрании русских журналистов, сказав: „Оборонческое движение — нуль. Это в положительном смысле. В отрицательном смысле, „оборончество" углубляет раскол всей эмиграции на два непримиримых лагеря".

Нет никакого сомнения, что под видом „оборончества" вновь протянулись к эмигрантам шупальца коммунистического Кремля.

Запорожец (Ч. С. Р.)

СОВЕТСКАЯ МОЩЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

В номере 7-м „Казакии" в статье „Знаменательные факты" мы знакомили нашего читателя с теми данными о Красной армии, какие приводились в польском журнале — „Бунт Млодых". Безусловно это большая вооруженая сила, при помощи которой III интернационал удерживает порабощенные народы (в том числе и Казачество) в безаппеляционной послушности так называемому „правительству народа".

Этот вооруженный сов. аппарат дает возможность жидо-марксистам безнаказанно производить преступные опыты над многочисленной семьей национальных меншинств, живущих невольно в ССР., и которые в общей сложности превышают великорусский народ.

Сам же великорусский народ, не привыкший создавать достаточных для себя экономических ценностей, как победитель, за кусок получаемого хлеба, который отбирается у иных окраинных народов, главным образом у казаков, у жидо-марксистов играет роль палача.

Если предположить, что возникнет вооруженное столкновение, в котором должен будет принять участие и СССР, (при сегодняшней международной полит. ситуации это вполне возможно), то оно непременно внесет значительные коррективы к данным „Бунта Млодых", и события покажут настоящую, истинную силу советов, которая ныне ими очень раздувается и усиленно рекламируется.

Советская статистика своими дутыми данными смешит каждого серьезного человека, представляя из себя нечто вроде юмористического журнала. Серьезные военные специалисты и ученые статистики совершенно не верят заявлениям и публикациям советских чиновников и свои выводы делают на иных конкретных основаниях, так как большевики, под видом цифровых данных и фактических материалов, приподносят миру только фото-монтаж, который отвечает их целям пропаганды и очковтирательства.

Так, например, не выдерживает никакой критики их заявление о том, что на территории СССР.

живет сейчас 170 миллионов человек. Бывшая Импер. Россия перед войной насчитывала около 139 миллионов душ. (Точной статистики никогда и тогда не было и даже проведенная в 16-м году всеобщая перепись куда-то исчезла и не была надлежащим образом разработана).

Война внешняя и внутренняя, убыль связанная с ними, отделившиеся от России народности значительно уменьшили число населения. Можно предположить, что после всего этого в России осталось не больше 100 миллионов человек, половину из коего числа, надо помнить, составляют так называемые „инородцы".

Голод, который свирепствовал в СССР в 20-х и 30-х годах, а затем голод, который жидо-марксисты применяли как средство ослабления непослушных народов, карательные экспедиции, массовые расстрелы населения под руководством ГПУ, принудительные постройки на севере, как Беломорско-Балтийский канал, который по подсчету Солоневича один поглотил сотню тысяч людей, Днепрострой, осушительные работы в болотистых местах, рубка и сплав леса в Сибири, проводимые в самых нечеловеческих условиях в принудительном порядке, без всяких признаков нормальной работы, смертные концентрационные лагери, тюрьмы и пр. пр. отняли миллионы жизней.

Принимая во внимание, что процент смертности детей и взрослых далеко догнал и перегнал цифры царского режима, то если даже все население СССР., по приказу „обожаемого и великого вождя", стало размножаться стахановскими темпами, не могло размножиться до 170 миллионов душ.

Из этого вытекает, что мобилизационные резервы в 32 миллиона душ неверны. Принято считать, что мобилизационный резерв страны, могущий принять участие в обороне, 10 процентов общего числа граждан государства.

Лучший стратег царской армии генерал Алексеев сумел довести мобилизованные силы России до 12 миллионов человек и при этом производилась мобилизация 19-ти летних юношей и стариков-добровольцев до 60 лет.

Поэтому весьма сомнительно, чтобы бывшие полуграмотные вахмистра и рабочие, об'явленные ныне „красными маршалами", из дутых 170 миллионов душ населения могли бы создать на случай войны армию в 32 миллиона!

Что касается кадровой Красной армии для непосредственного ведения операции и которая насчитывает 1250000 душ, несмотря на марксистскую обработку и железную дисциплину, нельзя считать ее вполне подготовленной для ведения современной модерной войны.

Если сравнить советские малограмотно написаные и плохо разработанные пособия для красных офицеров и унтер-офицеров с тем, что требовалось от офицера и унтер-офицера царской армии, увидим воочию, как недостаточно минимальные требования пред'явлены не только к красному офицеру и унтер-офицеру, но негодящиеся для каких бы то ни было чинов даже любой примитивной армии.

Прямо бьет в глаза тот низкий культурный уровень людей бех без различия красных чинов, увешанных всякими орденами.

Резерва офицеров и унтер-офицеров в достаточном количестве Красная армия не имеет. Восемьдесят процентов царских офицеров и унтер-офицеров, этот резерв армии и народа, что составляло несколько сот тысяч человек, жидо-марксисты расстреляли, когда творили „социальную революцию", но этот резерв царской армии создавался в течение 25—30 лет перед Мировой войной.

Существующее большое количество военных школ в СССР. если бы и хотело не может создать достаточных кадров командного состава не только для вероятных 10-ти процентов из общего числа населения, если даже выпускали бы из школ военспецов с большей скоростью, чем проворная хозяйка блины на масляннице.

Кроме всего, красный офицер и унтер-офицер не надежен т. к. в каждом из этих людей, кроме индифирентного ко всему великруса, живет в его нутре какая-то его национальная частица, его национальное — Я, придавленное интернациональной властью.

Если бы предположить, что Сов. правительство целую свою кадровую армию обратило в командный состав для мобилизованной армии то и в этом случае не хватит ее при том количестве людей, которые будут служить, защищать длину границ империи, и обеспечить спокойствие на всей огромной площади, где разнородное, измученное коммунистами и национально-пробудившиеся народы непременно попытаются использовать обстановку.

Красная армия в 1,250,000 душ при сегодняшнем способе ведения войны хватит едва на 2 недели максимум на месяц хорошей войны с солидными соперниками, каковые рисуются на восточной и западной границах СССР.

А дальше уже получат решающее слово те порабощенные, ограбленные жидо-марксистами, национально проснувшиеся народы, как-то: украинцы, белорусы, грузины, горцы, казаки, киргизы, татары, башкиры и прочие и прочие, — получившие в руки оружие.

Если в Мировой войне, при котором мирное население никакой особенной нужды ни в чем не испытывало, а армия была снабжена, экипирована и питаема, вооруженное население догадалось обратить полученное оружие против царского правительства, освященного как никак трехсотлетней давностью, которое, кстати сказать, неизмеримо далеко было культурнее и гуманнее, чем нынешняя власть коммунистическая, можем себе только вообразить, как эти народы разделаются с комвластью, начиная от членов ГПУ, этих жестоких и подлых палачей народов!...

Никто не сомневается, что с началом войны внутри самого Советского „союза" вспыхнет серьезная внутренняя вооруженная борьба и анархия, и сомнительно, чтобы все крысы с корабля могли бы спастись и выбраться заграницу.

Культурный уровень как советского рабочего так и сов. инженера, как общеизвестно, весьма низок, и это есть второе больное место коммунистического государства. Известно, что скверный солдат не есть солдатом, а плохой инженер или рабочий не может провести полноценной работы, выпускать доброкачественные изделия, о чем даже коммунисты в своих газетах изо дня в день трубят, борясь за качество. Тем не менее известно то,

как много браку дает советское производство, начиная от гвоздей и кожи, кончая пушками и паровозами.

Бывшая Империя почти не имела шоссейных дорог, а состояние железно-дорожной сети оставляло многого желать. Советское правительство только сейчас начинает под руководством ГПУ, при помощи мобилизованных крестьян, строить примитивные шоссейные дороги. Вполне понятно, что эти шоссейные дороги, мало пригодные для движений мирного времени, совсем окажутся негодными для нужд времени военного.

(Об этом можно судить хотя бы по тому, как шумно на весь мир рекламировавшийся Днепрострой, на который ухлопана масса средств, рабского и наемного труда, результатом которого советы решили удивить мир, на деле оказался полнейшей чепухой, как и много других планетарного масштаба работ).

Проедет по такому примитивному шоссе тяжелый танк, и от дороги останется скверное воспоминание, потому что придется после пробираться по ухабам и рытвинам, или ездить стороной по грунту.

Протяжение железных дорог, правда, незначительно увеличилось при Сов. правительстве, но общее состояние дорог катастрофическое. Можно считать, что каждая третья шпала не существует, а каждая вторая сгнила и только первая как-то исполняет свое назначение, но требует постоянной и внимательной заботы. Сотни километров рельс испорчены ржавчиной и требуют спешной замены, но их нечем заменить.

Запас угля, смазочного материала и других необходимых материалов имеется в запасе на жел. дорогах на две недели (В императорской России было на 3 месяца). Железно-дорожный балласт на 60 проц состоит из обыкновенной земли, а из оставшихся 40 проц. половина состоит из песка, смешанного с землей, а другая половина из чистого песочка. Балласт из мелкого камня, что везде считается обязательным, на советских дорогах составляет такой незначительный процент, что в общем не играет никакой роли.

При таком состоянии и при таком способе проведения железных дорог нет ничего удивительного, что в СССР. так часты крушения поездов, а само движение поездов замедленное. Только раз попробовали пустить „Максима Горького“ со скоростью царского поезда, а рельсы не выдержали и разошлись. Пришлось отменить такую „экспрессную“ езду. Уровень железно-дорожных рабочих и мастеров таков, что выпущенный новенький паравоз нередко до десятка раз возвращается на поправку. Случается иногда и так, что построят такой паровоз, что его ни полотно ни мосты не выдерживают.

Не лучше обстоит дело на заводах, фабриках и мастерских, не исключая и военного ведомства, где до 70 проц. изготовляется всякого браку.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно пробежать любые советские газеты, заглянуть внимательно в любой специальный журнал. Для того, чтобы иметь в государстве действительно квалифицированных специалистов, начиная от рабочего и кончая инженером, необходимы хорошие учителя, хорошие практики мастера, хорошо оборудованные школы, соответствующие нормальные условия как для преподавания так и для прохождения курса наук и годы упорной и усердной работы, постоянного усовершенствования. Голодный и загнанный советский учитель и профессор, метущиеся по „штурмам“ полуголодные грязные студенты, всесоюзная безалаберщина в СССР. создали исключительно неблагоприятные условия как для учащих, так и для учащихся. А недостаток учебных пособий!... Кроме скелетов, недостаток всего. Только скелеты экспортируются заграницу!... А власть награждает орденом Ленина тов. Ягоду за то, что тот так досконально вывел в расход и повыслал заграницу старую профессуру, что когда потребовалось ему самому сделать перевязку и наложить компресс пришлось доктора выписывать из за границы!...

Известно, что животноводство, а особенно коневодство, в народном хозяйстве страны играет огромную роль, а в особенности для страны, где сельское хозяйство является основной базой существования и где нет достаточных, хороших дорог.

В Императорской России к 1916 году было около 36 миллионов голов лошадей. Были превосходные казачьи казенные и частные коневодства (как напр. Донские частные коневодства!). Но Советское правительство, в пылу увлечения „социальными достижениями и машинизацией страны“, успело погубить и разбазарить это хрупкое богатство страны. Сейчас по советским данным там около 10—12 мил. голов лошадей при весьма понизившемся качестве пород. Уничтожив редкое конское богатство казаков, Советская власть за все это время ничего не сделала, кроме того, что только с недавних пор проявила некоторую заботу об остатках донских табунов, каковая забота выразилась в раздаче орденов заведующему и смотрителям.

Кроме того нужно иметь в виду, что большевики совершенно обезлошадили, согласно заветам Маркса, все частные хозяйства, боясь обогащения частника.

Если будем считать, как военные специалисты учат, что в случае войны на одного мобилизованного должно быть в среднем по полуторы лошади, то если бы взять в армию всех лошадей до единой, не исключая пони, ослов и калек, по всей СССС., то и в этом случае не хватило бы их. А это значит, что Красная армия в войне будет малоподвижна, что значительно понизит ее боеспособность.

Авто-машиныи при хороших и достаточных дорогах при хороших специалистах вещь весьма хрупкая, а что будет, когда будет бездорожье, невылазная грязь и горе специалисты!...

Нужно принять во внимание и то, что конский материал очень быстро „изнашивается“, и темп этого „изнашивания“ ускоряется, когда конь находится в неумелых, не хозяйственных руках. Во время войны и при советских условиях и порядках можно считать, что ежедневно будет выходит из строя и эвакуироваться от 15 до 20 процентов конского состава, а из них будет 15—20 процентов ежедневного отхода. Можно себе представить, как быстро Красная армия станет ошущать конский недостаток.

Царское правительство, несмотря на большой лошадиный резерв в 36 мил. голов, уже к 1917 году для своей 12 мил. мобилизованной силы ошущало недостаток лошадей.

А что будет делать сельское хозяйство без тягла??! Сельское хозяйство, которое должно обеспе-

чить страну и армию хлебом?... Военная наука учит, что тот, кто блестяще разрешит продовольственный вопрос, на много увеличивает шансы победы. Победы Наполеона в сильной степени этим умением и об'ясняют. Наряду с этим Германия, находясь своими армиями на всех фронтах на чужой территории, принуждена была просить мира, только потому, что было расстроено дело продовольствия.

Продовольственный вопрос в случае войны для сов. власти станет очень твердым орешком. Обезоруженное и загнанное население может молча голодать и умирать, а так ли оно будет поступать, когда оно будет голодно и будет иметь в руках винтовку с патронами!?...

По единодушному показанию всех беглецов из советского „рая", в СССР. север живет за счет юга. Голода происходят только на юге, потому что хлеб отсюда выкачивается для прокормления верного для комвласти севера. Недостаточность продуктов питания видна из тех цен, которые существует на них в наших краях, вообще на юге: кило хлеба — 95 коп., литр молока — 1 р. 20 коп., мясо кило — 8—9 рублей и т. д.

Из всего вышесказанного само собою становится ясною, что Советская власть боится всяких внешних осложнений, как черт ладана. Поэтому она, какой угодно ценой, даже путем уступок и больших пространств территории, будет увиливать от войны.

Потому то и коммунистические партии всех стран, при помощи жидов, по директивам из Москвы, так горячо ратуют всюду за мир, и, одновременно с этим, разные ходатаи мира подыскивают и приготавливают уединенные места (Южная Африка, например), куда мог бы своевременно перебраться штаб III интернационала в случае крушения их цитадели в Москве.

По мнению многих иностранных специалистов, СССР. и ее Красная армия в большой внешней войне не только не сможет сыграть решающей роли, но даже явится для своего союзника опасным балластом.

Это свою цену безусловно знает и штаб в Москве, иначе зачем бы кремлевские владыки искали заранее себе уголки по земному шару.

Проф. Ф. А. Щербина (ЧСР)

ПЕРЕЖИТОЕ, ПЕРЕДУМАННОЕ И ОСУЩЕСТВЛЕННОЕ

(VIII Семейный миръ и воспом. об отце) (Продолжение)

По мере того, как я оправлялся от болезни, обстоятельства слагались все благоприятнее и благоприятнее в мою пользу. Мать баловала меня и ее ласки казались безграничными. Не было просьбы или желания, которых она не исполнила бы для меня. Пользуясь этим, я не раз заводил с матерью политичный разговор о том, что я предпочел бы хождению в школу учение дома и что лучше было бы, если бы меня учила сестра Домочка.

— Я буду ii слухат — обещал я.

Будучи командиром, я задирал таки нос перед смирною и добродушною сестрою и иногда даже ссорился с нею. Мать не давала решительного обещания и, успокаивая меня, говорила:

— Може так и зробимо. Ось приіде до дому Тимоша, тоді з ним і порадимось. Він уже великий і все знае. Тай Харитон Захарович каже, що ні тебе ні Яцька не прийдется мабудь везти в осени в духовне училище; не успіете до экзамена підготовитись.

Этого было достаточно для меня; я успокаивался и с нетерпением стал ждать брата Тимоши, который учился в городе Ставрополе в Кавказской Духовной семинарии. Времени до летних каникул оставалось один месяц. Тимоша непременно должен был приехать домой, так как он не был дома уже второй год, а мать и все мы очень любили его и гордились им. Все время он шел в семинарии первым учеником и это все знали — и отец Касьян, и Харитон Захарович, и кабатчица Андрияновна, и писарь Гавро, и молодой дьячок Андроник, ровесник Тимоши, не раз говоривший:

— Мы вместе с Тимофеем учились. Ну и голова!...

Скоро из Новощербиновки вернулись сестра Домочка и брат Андрей. Я не покунул еще постели, когда они приехали. Моя болезнь, слабость и истощение видимо тронули их. Сестра, с которою я не всегда ладил, заботливо ухаживала за мною. С своей стороны я начал высказывать столько приязни к ней, что это отразилось самым благоприятным образом на наших отношениях. Маленький братишка тоже старался сделать что либо приятное для меня и охотно делился со мною своими игрушками. Одним словом мир и согласие царили в нашей маленькой семье и центром этой семейной гармонии был я, бывший ретивый командир и неудавшийся школьник, Мы проводили время большею частью втроем, одни без матери, так как с приездом сестры, заменившей ее на дому, мать деятельно принялась за хозяйство и часто ездила в степь.

Я припоминаю чисто идилические картины за это время.

Вечереет. На разостланном „рядні", в тени около дома, я, еще слабый от болезни, полулежу на подушках. Рядом со мною сидит молчаливая и сосредоточенная на чем то сестра и усердно шьет. Братишка насобирал разноцветных осколков от битых тарелок, чашек и другой посуды и строит из них полки, отряды, размещая осколки рядами на земле. Большой осколок — это генерал, поменьше лиловый осколок — тоже генерал, только не главный, еще меньше лиловый осколок — опять таки генерал еще меньше второго. В результате оказалось, что в полку были одни генералы различной величины и на тридцать генералов пришлось лишь четверо рядовых казаков, коими были четыре белых, не покрытых никакими узорами осколка. Офицеров совсем не было; трубачей, барабанщиков и знаменосцев маленький военачальник тоже не признавал или не имел о них представления. Сначало все это смешило меня, знавшего иные порядки и формы организации полка. Мои

командирские замашки побудили меня дать брату указания на иную переформировку его полка. На это братишка возразил мне:

— А у тебе генералів зовсім немае и полковник самий головний! Я попытался по своему построить полк и привстал. Но братишка сердито крикнул:

— Не замай моіх генералів!

Я надулся и капризно повернулся спиною к генералам. Тогда братишка в свою очередь начал ухаживать са мною. Трогательно было смотреть, как он достал свою незатейливую скрипочку, которую смастерил ему из досточек и ниток пластун Костик, и начал водить по натертым воском ниткам волосяным из конской гривы смычком, стараясь извлечь звуки, и когда, наконец, получился скрипящий звук, он обращался ко мне со словами:

— Ого, грае вже! . . .

Но за время болезни я привык капризничать и упорно молчал, не подавая вида, что меня интересует игра на скрипке и трогает участие брата. Тогда брат бросил скрипку и великодушно заявил:

— Нехай усі моі генерали будуть у тебе козаками!

Хотя по существу дела это и не совпадало с моею системою формирования полка, но мировая между нами состоялась — оба мы стали уступчивее. Так протекала наша жизнь на дому, пока я не оправился и не стал на ноги. В это время и мать, покончивши с горячими на сенокосе работами, чаще была дома, особенно вечерами. Не смотря на свое привилегированное положение выздоравливавшего, я не пытался удержать за собою прежнюю роль командира и почти не принимал участия в играх с сверстниками казачатами. Иные интересы овладели мною. К тому же я стал понемногу подучиваться грамоте при помощи сестры. Свалиши с плечей ненавистную школу с ее неприглядными порядками, я крепко привязался к дому и к своей семье.

Особенно нравилось мне слушать, когда ве вечерами, в тесном кругу семьи, мать передавала нам подробности из жизни отца. Об отце в моей памяти осталось одно лишь смутное воспоминание. Я помнил и теперь еще вспоминаю такую картину: У нас в самой большой комнате, в так называемой горнице, на большом столе перед образами стоял гроб, покрытый парчею, а в гробу кто-то лежал; в комнате были люди в золотых одеждах и целые тучи кадильного дыма; одни плакали, другие пели, а весь двор был занят толпою людей. И только. Это „собором“ хоронили несколько священников моего отца, чего я не понимал тогда; мне шел третий год, а младшему брату второй.

Мать неохотно останавливалась на этой картине, подавлявшей видно ее, но охотно делилась с нами разного рода воспоминаниями об отце, а я был самым внимательным слушателем. Вот краткая биография отца со слов матери, как сохранилась она в моей памяти.

Мой отец очень рано остался круглым сиротою. Сначала умерла его мать, а затем отец. В это время ему было 17 или 18 лет, и у него на руках остались младший брат и сестра. У сирот была лишь убогая и полуразвалившаяся хата и плохо огороженный двор. Все виды домашнего имущества почти отсутствовали. Это об'ясняется тем, что мать отца умерла более десяти лет тому назад, а отец все время до самой смерти болел. Некому было ни вести хозяйство, ни работать. Есть было нечего, одеваться не во что и, вдобавок ко всему этому, мой отец был слаб здоровьем. Жил он в станице, в переяславском курене старой запорожской сечи.

Собрался как то вскоре после смерти моего деда сход или рада и станичный атаман приказал позвать на раду Андрия Шербину, моего отца.

— Ну, що ми будемо з тобою, Щербиненку, робить? — говорили ему на раде казаки. — Ні в конницу, ни в піхоту ти негожий, а твій брат і сестра що малі діти. Нікому про них клопотатись. Як би у тебе хоч здоровьячко було, а то бач, який ти худий та тендітний! Для тежкоі работи ти зовсім негожий та и в пастушки чи в підпасичі тебе ніхто не візьме.

Андрей Щербина, как рассказывал он потом матери об этом, стоял перед казаками, как преступник, понуривши голову, а крупные слезы катились по его исхудалым шекам. Он хорошо сознавал свою непригодность „для тяжкоі роботи“ и суровой казачьей службы, а на руках были еще малолетние дети, которые утром того же дня говорили ему:

— Ой, істочки хочется.

Чем жить? Откуда брать средства для их прокормления? Брать торбу и идти попрошайничать? Но тогда уже лучше с мосту та в воду! Сил не хватает даже двух детей прокормить — думал с горечью Андрей Шербина, работая на поденщине и на послугах.

Старики на сходе между тем спорили и шумели. Дело шло о взятии на прокормление брата и сестры моего отца, но никто не хотел прибавлять лишних ртов в семье. Высказывались опасения, что из сирот будет мало толку, так как если они и не такие хилые, как Андрей, то все таки трудно сказать выйдут ли из них работник и работница, которые впоследствии отработают за потраченный на них хлеб и одежду.

— Одно слово, панська кость! — насмешливо воскликнул один из казаков.

— А ти, козаче, батьківських кісточек не чіпай — заговорил старый запорожец, носивший чуприну за ухом и бывший большим приятелем Луки Шербины. — Всі Щербины були добрими запорожцями в Переяславському курині, і всі вони — і дід, і батко Луки, і сам Лука, — царство йому небесне, були козаки разумні і письменні і корисно служили в Переяславському куріні, а Лука і тут в громаді. Хиба ж ти забув, як Лука визволив тебе із біди, коли тобі тут за твою поведеніцю 25 киів всипали, а не вислали в Таврію до губернатора? Це же Лука порадив Раді. Так як би Рада не послухала Луки і тебе б отпровадила до губернатора в Таврію, то відтіля ти попав би уже не в Черноморію, а прямо в Сибир за твоі діла.

Казаки весело рассмеялись, по рассказам моей матери. У меня, говорил отец, легче на душе стало „коли я почув таку похвалу про братька, про діда, та прадіда“.

В Запорожской Сечи мои предки были „беглыми панами“ из Полтавщины т. е. из среды казачьей старшины этого края, жившими на два дома — то в Сечи, то на Украине; а „беглый“ старшина

был фактически противником порядка, насаждаемых в казачестве центральным правительством. Дед отца, будучи горячим сторонником казачьих демократических порядков, вынужден был совсем убежать из дому в Запорожскую Сечь от преследования русских властей. В Сечи на Днепре дед зачислился в Переяславский курень, в котором запорожцы переяславцы держались „як русы один за другого". Здесь Щербине пришлось быть свидетелем разрушения Запорожской Сечи в 1775 году русскими войсками под командою генерала Текелли. Щербина кипятился вместе с другими запорожцами и возмущался произведенными над казаками насилиями, но пристать к запорожцам, ушедшим на Дунай в Турцию, отказался и остался на Украине. Одна из книг, уцелевшая от старой Запорожской Сечи была взята из архива А. Скальковским и передана Кубанскому казачьему войску. В ней сохранилась собственноручная подпись моего прадеда по отцу в числе казаков, оставшихся „верноподданными" царицы Екатерины II.

Судьба посмеялась над старшиною бунтарем: убежавши в Сечь от царицы и ее правителей, Щербина поставлен был в необходимость собственной рукой причислить себя к „верноподданным" царицы Екатерины. Когда за Бугом возникло новое Запорожское войско, Щербина вошел в его состав, а отсюда его сын Лука перешел с черноморцами „на Тамань с окрестностями оной" и осел в Переяславском курене на р. Бейсуге.

— Так як же нам, Щербиненко, з тобою бути? — приставали коазаки к моему отцу, не находя выхода из создавшегося положения, в какое поставлен был „малоліток" т. е. молодой казак, подлежавший очередной службе.

— Як знаете — ответил Щербиненко и горько заплакал.

— Чого — ж ти, дурний, плачешь? — пытались казаки успокоить плачущего парня. — Плачем не поможешь в горі".

Но Андрей не мог успокоиться и стал „звонким голосом" перечислять казачьей Раде свои невзгоды.

— От плачеш ти добре і голосом виводиш краще, ніж дяк на клирасі — сказал один из казаков.

Раздался дружный хохот. Но когда он прекратился, старый запорожец с чуприною за ухом, серьезно предложил „отдать Андрея Щербину в дяки".

— А що — ж, пани громодяне? — обратился куренной атаман к Раде — і справді, чи не от оддати нам Щербину в дяки? Грамотний він добре, гортанню Бог не обідив його, пошлем Щербину до монахів в манастир; нехай підучиться у них до церковної служби, а там, Бог дасть, у нас же у церкві буде служити, бо дяк наш дуже старий. Правду сказать Андрей хлопець добрячий, розуму у нього и тепер, як і у зрослої людини, а поучиться, то ще й розумнішим стане. Та й родитель його — царство йому небесене був козак письменний, розумний, не раз давав добрі пораді громаді та й од діла не одказувався.

— Правда — закричали казаки — правда, батьку отамане. Назначимо приговором громади Щербину на церковну службу.

И вот по приказу Переяславки Екатерино-Лебяженский войсковой монастырь для обучения и подготовки к церковной службе. Так началась духовная карьера моего отца.

В обучении церковной службе отец оказал блестящие успехи. Через год он вернулся домой в станицу и занял место на клиросе рядом с старым дьячком. „Гортань" у Щербины оказалась действительно превосходною. Казаки, в особенности старые казачки, с усердием клали поклоны и с умилением прислушивались, как Андрей высоким и звонким голосом „выводил иже херувими" на клиросе.

Скоро потом умер старый дьячек и Андрей Щербина, с приговором Переяславского куренного общества в руках, отправился в г. Астрахань к архіерею на экзамен. Молодой казак оказался настолько подготовленным, что владыка сразу-же посвятил его в стихарь и двадцатилетний Щербина, воротившись в родной курень прочно занял место дьячка.

Так успешно сложилась и дальнейшая карьера отца. Через четыре года он женился и был переведен диаконом же в станицу Крыловскую, а еще через несколько лет стал священником в станице Новодеревянконской. Но в это время злой недуг уже подтачивал его организм. Отец заболел чахоткою и, после трехлетней священнической службы, умер, оставивши мою мать с пятью детьми, между которыми я был предпоследним.

Воспоминаний об отце интересовали и волновали меня. Я подробно расспрашивал мать о том, как ездил мой отец в Астрахань для посвящения и чем вызывались служебные повышения отца, которые я смешивал с служебными отличиями в чинах по войску. Но это не влияло на мое настроение. Мне важным казалось, что и как отец делал. Слушая рассказы, я гордился успехами отца, хотя и не понимал, в чем они состояли, а просто воспринимал, что когда — то отец был дьячком, тогда — то диаконом, а тогда — то священником. Но мать моя рассказывала так ясно, что отец мой был всем обязан самому себе, своему непрерывному труду и энергии, что наверно повлияло и на мои взгляды и необходимости учиться. По словам ее, отец просиживал дни и ночи над книгами и „ту кляту чахотку — поясняла она — мабудь він добув тими книгами". И удивительное дело! Этот факт не только не усиливал моего прежнего отрицательного отношения к книжной учебе, а наоборот заставил задуматься над тем, что, должно учеба нужна и мне.

Харитон Захарович также неоднократно рассказывал о том, с каким усердием отец мой погружался в науку. „С учеными ваш папа — передавал сослуживец нашего отца — мог потягаться; инший і в семинарії учився, а не доходив до того, що знав покойний отец Андрій".

Когда старый дьячек передавал нам с явным восхищением эти подробности, тогда мне и сам он казался в ином свете и верилось ему, как учителю и старому правдивому человеку.

(Продължение следует).

Ввиду того, что переезд редактора к месту издательства журнала не состоялся, все материалы, предназначенные для журнала „Казакия" направлять по адресу: С. Балыков. Ружова долина, 199, Братислава, Чехословакия. Материалы, присланные прямо в Софию, ввиду необходимости пересылать на просмотр редакции, могуть не попасть в очередной номер.

Редакция.

А. Н. Трофимов (Париж)

СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН

(Продолжение)

По Уложению Алексея Михайловича закрепленные крестьяне становились, в полном смысле слова, рабами, а „дети, рожденные уже в рабском состоянии, делались также собственностью господина“ (Костомаров).

Этим было положено начало тому вековому ужасу, позорному, бессмысленному и упорному самодержавному убийству народной души руского крестьянства — акту, именуемому крепостным правом. Этим огромной социальной важности актом, Уложением, как бы завершился в царствование Алексея Михайловича весь безграничный произвол финансовый и бюрократический. Бояре и дворяне добились полного отрицания за мужиком права личности и собственности, а купечество добилось наложения тяжелых пошлин на промыслы и занятия торгующих крестьян и удаления таковых из посадов.

Таким образом, с благословения „Тишайшего“ царя, в руки знати, администрации, бояр и пр. дана была полная власть над жизнью принадлежащих им людей, с которыми они могли расправляться как только их душе было угодно. Если Уложение и не давало владельцам право продажи крестьян без земли, то и не наказывало за это. Они довольно быстро нашли пути, благодаря которым могли безнаказанно продавать своих крестьян без земли, оптом и в розницу: мужа продавать отдельно от жены, отца или мать отдельно от детей. Продают с землей, без земли и „со всеми их крестьянскими животами“ т. е. имуществом, поступая точно так, как поступают при купле и продаже на ярмарках рогатого скота, лошадей или овец.

Неприятное чувство выносится при чтении книг, дающих нам как бы живую картину из жизни и поведения бояр, дворян и пр. владетельных лиц в своих имениях. Бояре, пресмыкающиеся на коленях перед царем, считающие за милость побои кнутом или батогом, здесь, в своих имениях, среди своих крестьян становятся сами „царями“, только необычайно безжалостными. Здесь они как бы забывают все заповеди Христа о любви и творят с крестьянами такое, что едва ли можно придумать нечто худшее.

Ничто и нигде на Руси не ограждало крепостного человека от издевательств своего господина: по Уложению „крестьянин, как холоп был предан произволу владельца. Мы не знаем никаких обеспечений, которые бы ограждали как того, так и другого от этого произвола“ — говорит Костомаров.

В мою задачу не входит рассмотрение разницы между крестьянином и холопом, поэтому я в дальнейшем буду пользоваться термином „крестьянин“. Тем более и по определению историка Костомарова, „как тот, так и другой был предан произволу владел ца“.

„Крестьяне обязаны слушат господ своих во всем“... „По утру рано, до и после обеда, в вечеру поздно и во вся дни живота своего“ он обязан был думать только о довольстве и счастьи своего господина. А этот последний имел „право“ пороть, продавать, покупать, менять их на собак и даже убивать. „дворянин, убивший крестьянина, особенно собственного, редко отвечает“ (К-в).

Если господин, в пылу своего гнева, так расходится, что вместо своего убьет чужого крестьянина, то дело будет идти не об ответственности за убийство, а о замене убитого живым. Хозяин убитого имеет право выбрать лучшего из крестьян убийцы. При этом часто брали главу большой семьи, не спрашивая ни согласия, ни желания жертв. Все это происходило так просто, что как будто сосед не человека убил, а быка, за которого, „как бы имел право“ взять... другую такую же скотину“ — (Костомаров).

Какой нибуть „православный“ рабовладелец не видит, например, необходимости кормить своих холопов. Те кряхтят, отдуваются и с порожним брюхом несут свое ярмо, пока есть силы. Правда, в таких случаях, они могли обращаться за помощью к закону. Но составители Уложения, вырабатывая это „право“ крестьянина жаловаться на своего господина и не только жаловаться, но даже требовать свободы, вероятно, хватались за бока от злостного смеха. Ведь поступить так подневольный мог только при единственном условии, если „жалоба его сказывалась справедливою“. А справедливость эта признавалась только в том случае, „если господин сознавался в том, и, напротив, одного отрицательного слова было достаточно, чтобы жалобу отвергнуть“. Необходимо знать, что ни при каких тяжбах с господами крестьянин не имел права выставлять свидетелей. Слов владельца было достаточно. По одному слову владельца суд мог подвергнуть крестьянина пытке без всякого следствия — виновен он или нет. Раз хозяин говорит виновен, значит это так. Кроме того сплошь и рядом можно было видеть тогда, как крестьянин нещадно порят за то, что их господин в чем-то проштрафился. Лежат они, их бьют, а за что?... Ну да это и не их дело — господам с горы виднее

Дворянину надо явиться на обязательную царскую службу, а его нет. Что делать? Выход простой—брали его крестьян и держали в тюрьме до тех пор, пока их „владыка“ не явится перед очи государя. Или, например, два соседа помещика не поделили что-то; заспорили. Спор выливается в потасовку. Только дерутся не помещики, а их крестьяне: хозяева выпускают своих людей друг против друга, и эти, быть может, родственники, в угоду своим господам бьют, грабят друг друга, жгут, разоряют и без того несчастные хатенки. А все потому, что господа не поладили.

Благодаря уложению Алексея Михайловича, владельцы в своих имениях превратились в каких-то местных царьков. Здесь они были властны в жизни и смерти своих „подданных“. Здесь господин мог безнаказанно посмеяться над телом, душой и сердцем девушки крестьянки и отдать ее затем замуж за кого хотел . . . Здесь трудно все описать, трудно передать целый „склад“ издевательств. Крестьяне были доведены до такого состояния, что по зову господина он сам скидал штаны с себя „и ложился на брюхо; двое садались ему на голову, двое на ноги и били прутьями иногда до того, что у него расседалась кожа“ (Костомаров).

Вероятно, владельцы были убеждены, что едва ли без этой порки крестьянин с'умеет понять — как надо „любить ближнего своего, как самого себя“.

Этих нескольких штрихов достаточно, чтобы иметь некоторое представление о жизни крестьян крепостных. Но были еще крестьяне черносошенные, властелинские, дворцовые. Эти не были крепостными, но участью своей тоже едва ли могли похвалиться.

Ко всему двуногому существу с „клеймом“ — крестьянин, присваивалось единственное право — обязанность. Повернулся ли налево, повернулся ли направо, вошел ли в избу, поехал ли в поле, в лес, в город, всюду — обязанность. Что бы он ни делал и где бы ни был, везде его встречает повинность. Они платили: царскую дань, полоняночные деньги (выкуп пленных), четвертные, пищальные, возили к селитрянным заводам дрова или золу, или, взамен этого, платили ямчужные, давали людей при постройке городов, ставили ямщиков для перевозки бесплатно чиновных лиц, доставляли целовальников к тюрьмам и к различным казенным делам и кормили их; они же должны доставлять сами хлеб на довольствие стрельцов; их мастера строили дома владельцам; для занятий в Приказной избе давали деньги на покупку бумаги, чернил; давали из своей среды людей на войну и содержали их.

Кроме того, боясь, что они захватят постепенно рынок в свои руки, крупные купцы при ппмощи бояр с'умели на все их промыслы и занятия наложить очень крупные пошлины, чтобы этим не дать им возможности развернуться.

Но стоит только таким „свободным“ торгошам или ремесленникам что-либо не исполнить, в чем-либо провиниться, как и они ложились под плеть и батоги.

Там, у рабовладельцев, всегда тянули к ответу крепостного, независимо от того — он ли виноват или его господин. Здес-же, у „свободных“, провинившийся получал жестокую порку, а должное исполняло село. Если же село не исполняло, то порка возобновлялась до тех пор, пока не привезут должного.

Как крепостные, так и остальные крестьяне, будучи обремененными бесчисленным количеством повинностей на государя, государство и помещиков-бояр, не имели возможности обеспечить себя даже настолько, чтобы хоть кушать по человечьи. Вся его пища „всегда состояла из каши, репы, капусты, огурцов, луку и чесноку. Изредка перепадало ему соленой рыбки — больше с душком“. Мясо же было особой роскошью для них, и они позволяли себе лакомиться им не чаще, как только по большим праздникам.

И все таки, несмотря на это, некоторые русские цари, живя в городе среди сорока сороков церквей, очень беспокоились, как бы их подданые не соблазнились в постный день скоромной пищей. Один из бояр на такое старание царя о соблюдении постов вполне резонно указывал ему, говоря: „вся работная Русь и так постится исправно“.

Не отставал в этих заботах о соблюдении постов и набожный Алексей Михайлович, на что в день ссоры патриарх

Никон ему и писал: „Ты всем проповедуешь поститься, а теперь и неведомо — кто не постится ради скудости хлебной; во многих мѣстах и до смерти постятся, потому что есть нечего . . . Везде плачь и сокрушение“ (Ключевский).

В то время, как крепостные были обременены массой повинностей, бояре и дворяне получали почести, земли е бесплатными, бесправными и бесгласными рабочими — человекообразным скотом, а их чуть ли ни единственная обязанность состояла в обязательном несении ратной повинности, которую они не всегда исправно выполняли.

Говоря о положении высшего класа населения, нельзя не сказать что-либо о воеводах, посылаемых для управления отдельными областями государства.

Этот разряд воевод был введен на Руси во второй половине XVI века. „По основной мысли этого учреждения — замечает профессор Ключевский — воевода был настоящий правитель области, представитель государственного порядка, а не кормилец (как это было раньше с так назыв. наместниками и волостителями, представлявшими систему кормления. А. Т.), ведали дела не за себя, как последние, а за царя“.

При Алексее Михайловиче уже установился порядок назначения воевод на трехлетний срок и дело это было передано в особый приказ (министерство), который и ведал им. По основной мысли этого учреждения воевода должен был заботиться прежде всего о пользе государя и своего отечества. Такова была мысль создателя этого учреждения, но посмотрим — как оно происходило в жизни.

Зная, что воевода в своем районе — „царь и бог“, что эти места очень прибыльны, где обедневший служилый человек или разорившийся боярин мог поднажиться и учитывая большое число охотников стать на воеводство, главари этого приказа устраивали просто торг — кто больше даст, тот и воеводой будет. Ни ум, ни заслуги, ни почет, ни пригодность к данному делу, ничто не принимали во внимание, кроме интересов собственного кармана. Если ты хочешь отправиться на место, где можно поживиться добром, разбогатеть, так „не подмажешь — не поедешь“, как бы рассуждали заправилы приказа. И охотники до незаконной наживы „мазали“ и ехали драть шкуру с людей. Несмотря на то, что взятки были запрещены и строго караемы, их давали и брали. Находили, как всегда это бывает, такие пути, что обе стороны всегда могли выйти сухими из воды.

Да чего, собственно, было бояться, если и правительство хорошо знало — зачем едет человек на воеводство. Ведь и в челобитной за имя царя такой боярин или дворянин откровенно указывал — прошу отпустить покормиться“. И правительство, зная все, что творят воеводы и на местах, пропускало такие заявления и, как бы, благословляло воеводу на самоуправство.

Боярин же, добившись теплого местечка на три года, все свои химические способности прилагал к тому, чтобы вернуть все расходы по этому делу и собрать запас на будущее. Поэтому, ставши „царьком“ в данной области, со всей жадностью боярской натуры „брал широкой рукой“ и, как истинный гражданин и „защитник“ интересов своего государства, высасывал из крестьян и всех подвластных ему людей деньги, пот и кровь, душу и жизнь.

Зная, что здесь „своя рука владыка“, он шел на всякие беззакония, не боясь ответа. Закон, суд, ответственность, как бы, не существовали для воевод. Они, озлобляя народ своим поведением, всегда были правы перед царем. О том, как и почему это происходило, я, чтобы не быть голословным, обращусь к русским историкам и к их указанию на свидетельства современников. Пусть они скажут свое слово о том — как легко все это обходилось и как человек, совершающий преступление, избавлялся от наказания.

Профессор Ключевский говорит: „Наказания за лихоимство в суде, отличавшиеся особою суровостью, немного имели успеха. Взятки . . . не истреблялись, хитрецы придумывали способ обходить закон: челобитчик входил к судье и привешивал подарки к образам, будто на свечи“.

Катошихин (гл. VII. Стр. 28), рисуя нравственный облик судей, повествует о них: . . . „наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержати не могут, и руки свои ко взятию скоро допушают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице, черех жену или дочерь, или через сына и брата, не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают“.

Иностранец Флетгер (1589 г.), отзываясь о „царьках“ в своих владениях и судах до Алексея Михайловича, говорит: „Областные правители чужды народу по своим интересам и не пользуются ни его доверием, ни любовью. Являясь ежегодно в области свежими и голодными, они мучат и обирают народ без всякой совести, стараясь собрать в свое управление столько, чтобы по окончании срока, отдавая отчет, можно было, не обижая себя, поделиться с управляющим чети, который, в надежде на то, смотрел сквозь пальцы на действия наместника. За это народ ненавидит наместников, видя, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему правосудие, сколько затем, чтобы угнетать его и снимать с него шерстъ не один раз в год, как владелец с своей овцы, а стричь и обрывать его в продолжении всего года“ (Ключевский).

„Эти известия, как подтверждает историк Ключевский, не позволяют считать преувеличенными отзывы иностранцев XVII века о продажности суда в Московском государстве, о том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания“ (Ключевский. Сказ. иностр. о Моск. гос. стр. 157).

Воеводы были неограниченные „властелины“ в своих владениях и ни правосудие, ни честь, ни совесть для них не существуют. Брать, хапать, рвать, стричь, пороть, издеваться над народом и возможно плотнее наполнять свои карманы — было целью их жизни и стремлений.

Вопрос о службе царю, о соблюдении интересов государства, они, как бы, отбрасывали в сорный яшик: чувство жадного лихоимства довлело над всем. Историк Костомаров отзывается о них не иначе, как о грабителях: „Суды — говорит он — находясь в руках этих грабителей, до крайности были продажны“.

Далее Костомаров (стр. 93) говорит следующее о том, как сами судьи относились к данной им клятве — судить по совести: „хотя сидевшие в приказах и целовали крест с жестоким проклинательством и обещали судить по правде, не дружить с сильными и друзьями, не брать поминков, но ни во что та вера и заклинательство, и наказания не страшатся и руки свои ко взяткам спущают“.

Все эти порядки удивляли, поражали, возмущали, и в то же время, ставили в недоумение иностранцев, посещавших Московское государство. „Удивительно — говорит один из них — как люди могут выносить такой порядок и как правительство, будучи христианским, может быть им довольно?“ (Костомаров).

Повсюду царил произвол властей, тяжелый политический режим и до ужаса жестокий социальный порядок, узаконенный „Уложением царя Алексея Михайловича“.

Теперь, зная хоть в кратких чертах жизнь разных слоев мирского населения Московии, попробуем взглянуть и на жизнь духовных лиц, главным образом монашествующих, ибо духовенство в ту эпоху представляло из себя в общественной жизни весьма влиятельный фактор.

Надо знать, что обрекающий себя на монашество преследует цель полного отречения от мирской жизни. Русский писатель Карнович, в своем „Исследовании об имуществах и доходах наших монастырей“ (изд. 1876 г.) так определяет ее: „Эта цель всем известна: исключительно евангельская, подвижническая жизнь без всяких житейских задач и удовольствий. Последствием этого для монашествующих является — постничество, доводимое до самых крайних пределов, до так называемого умерщвления плоти, девственная жизнь, безвыходная жизнь в монастырях, соединенная с прекращением всех прежних семейных и житейских связей, отказ от всякой личной собственности и права на нее, последствием которого может быть только самая крайняя бедность и даже нищета“ (Карнович).

А русская история знает среди архипастырей-монахов такие имена, как св. Феодосий Печерский, преподобный Ник, преподобный Сергей (Валаамский), которые своею жизнью показали удивительные примеры точного исполнения взятого на себя обета служения Богу.

Они, своим саммоотвержением, праведною жизнью, твердым характером, своею благотворительностью и искренним служением Богу, всегда привлекали к себе умы и сердца людей. Они, такие монахи, не жили на счет мирян, а сами всегда оказывали помощь, принимали больных, врачевали успокаивали и служили им. Жили только трудом рук своих: „Феодосий Печерский, например, занимался прядением шерсти, св. Никон переплетением книг, а св. Илларион переписыванием книг. Преподобн. Сергий, несмотря на крайнюю бедность обители, на то, что иногда приходилось голодать по 2—3 дня, помогал нищим. Св. Пафнутий всегда трудился в тяжелых работах: рубил и носил дрова, копал землю для огорода, носил воду для поливки растений (Карнович).

Эти подвижники завещали своим ученикам „снискивать себе пропитание только трудом собственных рук“ и только в случае болезни или крайней нужды, позволяли принимать милостыню, но ни в коем случае не обзаводиться имениями и не принимать на себя мирских забот.

Так завещали св. отцы. Но если мы посмотрим на жизнь монастырей времен Алексея Михайловича, то увидим, что многие и очень многие из монахов почти полностью забывали заветы подвижников.

В старых боярских фамилиях огромные участки земли переходили по наследству потомкам; другие, более мелкие, постоянно выпрашивали у царя и им давалось — за службу, или для того, чтобы, как-нибудь, побудить их к усердной службе. Возможность жить беспечно, без труда и особых обязанностей, толкало сановных лиц к захвату все большего и большего количества лакомых кусков земли. В этом беспощадном расхищении земли во главе всех еще до царствования Алексея Михайловича были, как ли это ни странно, монашествующие.

„Высшее духовенство и монастыри захватывали себе земельные угодья, где только могли". Изречение „не тщитеся о завтрашнем дне" они, как бы, оставляли для других, сами же не пропускали случая и закрепляли земли за собою где только и как только было возможно. И не только прежние цари, не только Грозный Иван, но и Алексей Михайлович, независимый уже от патриарха, ничего не мог сделать с хозяйственной активностью высшего духовенства, особенно монастырей.

По переписи 1678 года тяглых дворов было 888 тысяч. Из них на долю церковных, архиерейских и монастырских приходилось 118 тысяч дворов. Из этих последних... „одна шестая всего церковного крестьянства, почти 20 тысяч дворов, обязательно работала на высшую иерархию, т. е. на монашество, отрекшегося от мира, чтобы духовно править им, и почти пять шестых (исключая крестьян соборных и приходских церквей) — на монастыри, т. е. монашествующих, отрекшихся от мира, чтобы на его счет молиться о его грехах" (Ключевский. Курс Русской истории, ч. III. стр. 294).

Примечание: „Совокупность податей, платимых целыми обществами, по общей раскладке, составляло тягло, а люди, подлежащие таким платежам, назывались тягловыми (Ключевский, ч. III. стр. 274).

Если сложить в каждом тяглом дворе по 4—5 человек, то на 118 тысяч дворов получим число монастырских и архиерейских крестьян около полумиллиона человек. Во главе этого безграничного стяжания стоял при Алексее Михайловиче сам глава церкви, патриарх Никон, доведя количество своих крестьян до небывалой раньше цифры.

Достаточно указать на то, что „во времена войны с Польшею, патриарх Никон выставил на счет патриаршей казны 10 тысяч человек войска, снабженного оружием и лошадьми" (Карнович. 34 ст.). „Адам Климентий, посетивший Россию еще в 1553 году, писал, что монастырские имения составляют в ту пору одну треть всего государства".

Проповедуя в народе заповедь Христа — „не тщитеся о завтрашнем дне", в жизни духовенство первым шло против нее, стараясь всеми мерами обставить и обеспечить свою жизнь так, чтобы уже действительно не беспокоиться о завтрашнем дне, и в царствование Алексея Михайловича высшее духовенство и монастыри были самыми крупными землевладельцами.

Они, к тому-же, в те времена нередко (ой, как нередко!) (бывали веселы и беззаботны, и порой их украшениям мог позавидовать и сам Соломон. Это стремление к урашениям, желание походить своею прелестью на полевые цветы, ревностное стремление к тому, что бы действительно, походить в беззаботности на птиц небесных, нашло свое отражение на Стоглавом соборе в словах Грозного, который говорил: „В монастырях чернецы и попы нецыи стригутся покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать и по селам ездити и для проклады".

Максим Грек резко выражает свое недовольство поведением монахов в следующих словах „монах часто пиан, весь червлен и бесчинно слонялся и прегордая вещевает". Монахи, по его словам, только и заботятся о том, чтобы украшать себя „пестрыми и мягкими шелковыми тканями, златом же и серебром и бисером добрым" „Чернец тщится богатства ради да получить некие земные славицы", а получив эти славицы, думает, что — над законом владети поставлен есть... гордится беззаконствует, люто гневается, мучит, связует, мзды емлет блудно питается, вся его мудрование злото есть и многое мятежное ему попечение како угодити властям".

Опровергая своею жизнью смысл данного ими обета, забывая заветы святых подвижников, многие из монахов, особенно высших рангов, не только стремились приобрести побольше, но умели и отстаивать право собственности от всяких посягательств.

Обладая громадными земельными пространствами, ставши помещиками, монахи после Уложения, сделались и рабовладельцами, так как и на их землях крестьяне были прикреплены. Вот как о них говорит другой русский писатель: „Владея, таким образом, крестьянами, как подданными, как рабами своими, монастыри могли очень выгодно через них обрабатывать землю, ловить рыбу, молоть... а также могли иметь необходимую для себя даровую прислугу и чернорабочий люд. Монахи торговали солодом, хмелем, хлебом. лошадьми, рогатым скотом и всем, что могло приносить прибыль".

А историк Соловьев (т. VII) сообщает, что „еще при жизни Ивана Грозного, Астраханский монастырь выхлопотал себе право построить в Астрахани лавку и право иметь судно для перевозки соли и рыбы из Астрахани вверх по Волге и по Оке для продажи там этих товаров беспошлинно".

Об отношении же таких, хорошо обеспечивших свою жизнь, духовных лиц к меньшим своим „братьям во Христе" мы будем иметь довольно яркое представление, прослушав одного из русских писателей, который, рисуя их нравственный облик в ту эпоху, говорит, что когда к этим поборникам веры православной голодный протянет руку, то „нищих и сирот мразом и гладом тающих и вне врат стоящих и горько плачущих своея скудости ради, прежде обложивши... горькими лайбами, отгоняли, кинувши кусок хлеба гнилого".

„В бесчисленных вотчинах батюшки приберегали зерно на голодные годы, чтобы продавать тогда его подороже, а крестьяне их „томились в житейских потребах, обильно сия им уготовляюще, во скудости и нищете всегда пребывали, ниже ржаного хлеба чисто ядуще, многажды без соли от последния нищеты". (Почему крестьяне ели даже хлеб без соли о том ниже А. Т.).

Сделавшись помещиками, рабовладельцами, купцами, предпринимателями, крупными, финансистами, монастыри завели у себя даже винные заводы, которые быи закрыты только в первой половине XVIII века, после повторных царских приказов. Изготовляющуюся в монастырских имениях водку монахи продавали и охотно потребляли и сами.

Необходимо заметить, что стремление духовных лиц к удобствам мирской жизни доходило иногда до того, что некоторые из них додумывались до таких выходок, как езда летом на санях, думая, что так почетнее.

Такое, едва ли заслуживающее похвалы, поведение как светских, так и духовных лиц на Руси клало известный отпечаток и на весь нравственный облик русского народа в отрицательном смысле. Нередко можно было видеть пьяных, безобразящих, дерущихся на площадях Москвы попов. Народ их не любил и не уважал. Едва ли у какого другого народа существует столь множество непочтительных анекдотов в адрес священников, как у народа русского! К тому же и Уложение за оскорбление попа налагало только штраф в 5 рублей, сколько же полагалось и за убийство собаки.

Историк Соловьев по этому поводу приводит слова патриарха Никона к царю: „Если и придется кому заплатить за бесчестие попа или диакона, то бояться нечего, потому что, по благому совету бояр твоих, бесчестие положено очень тяжкое. Мордвину, Черемису, попу да четвертая собаке — пять рублей! И ныне похвальное слово у небоящихся Бога дворян и боярских людей: бей попа что собаку, лишь бы пень был, да кинь 5 рублей (Соловьев). т. II. стр. 25).

(Продолжение следует)

К КАЗАКАМ. **Когда пылал огонь сражений и от пожара запаленного пришельцами, чернели казачьи степи, станицы, хутора, и зов распятых отцов, матерей и юношей утихал под холмиками растоптанных могил, вы, братья, сбитые вождями — предателями с Казачьего Пути, жили тая оскорбление в душе, ориентируясь по звездам в темной ночи, шли по бездорожью, отыскивая путь спасения, путь Казачьей Правды. И тот славный прадедовский путь, умощенный боевым оружием, костьми предков и зацементированный казачьей кровью, найден вами под ветхим знаменем Казачьего национального об'единения.**

Николай Келин (ЧСР)

* * *

Господи, Ісусе Христе,
Дон мой распят на кресте!..
Кровь в берегах его пенится...
Скоро ли доля изменится?

Стонет земля черноземная —
Жизнь тяжела под'яремная...
В Степь схоронили широкую
Думу о Воле глубокую...

А в куренях непобеленных
Души хозяев расстрелянных
Рыщут волками голодными,
Стонут ночами холодными...

Край обезлюдел. Пустынною
Бродят там степью полынною
Тени живых и замученных
Лютой Московией скрученных.

Брошены нивы и пажити...
Вербы! Кому вы расскажете,
Все, что в станицах вы видели,
Как весь народ наш повыбили?..

Вот она, Русь бесталанная!
Вот она, мать окаянная!
Господи Ісусе Христе, —
Дон наш распят на кресте!..

* * *

моей сестренке

Голос твой серебряною трелью
Отзвучал для слуха навсегда,
А на холмике могильном повителью
Завились неслышные года.

Не приду к тебе я на беседу
Не спугну твой тихий, легкий сон —
В край родной мне нет пути и следу
Все дороги замело на Дон.

10.V.34

* * *

Ах молодость! В розовом дыме
Цветет и качается сад,
Весенние шорохи ныне
Мне вновь о былом говорят.

Ушел, улетел замирая
Смеющийся призрак весны —
В зеленые пролеси рая
Унес мои юные сны...

А молодость? Вон она птицей
Все выше и выше летит.
Бледнеют знакомые лица,
Тускнеет мой огненный щит...

В погоне за призраком милым
Расколото сердце совсем,
Развеяны буйные силы,
Язык мой и жалок и нем.

Но сердце в последнем порыве
Стремится былое вернуть —
Напрасно! — на скошенной ниве
Живые цветы не цветут!..

26.II.33

* * *

У околицы сумерки синие,
Тихий хутор грустит за рекой...
Нынче бабушка наша Ефимия
Теплит свечи за упокой.

Умер дед невзначай и нечаялось,
Что беда роковая стряслась.
Бабка плакала, охала, маялась —
Наконец и она улеглась.

А потом всех из хутора выгнали,
Мать с сестрою в землянку свезли,
А отца вдоль станичного выгона
Комиссары в тюрьму отвели.

IV.33

Наш Край повержен в тлен и прах,
С лица земли сметен врагами...
Как эхо дальнее в горах
Один призыв звучит меж нами:

За Край Родной! За резвый бег
Коня донского в Диком Поле
Вперед друзья! Быстрее всех!
Наш путь к желанной древней воле!

Мы наводнили целый свет,
Мы скорбь по миру расплескали
За нами стынет страшный след
Из дыма, пороха и стали...

Над нами дождичек косой...
Заре разводы чертит в небе,
Но каждый, пыльный и босой,
Из нас мечтает о победе. 15.I.1934

(Из книги стихов Николая Келина, готовящейся к печати литературной казачьей семьей).

Г. Шевель (Югосл.)

* * *

О музо милая мая!
Тебе прохаю щиро я!
Прийди май ласку на часину,
І як ту рідну дитину,
Мене старого привітай...
Той час для мене буде рай!
Я не Куліш і не Шивченко,
Котрих мое, мое серденько,
Уміла щироти кохать.
Міні про се і не гадать...
Але-ж була колись година
В яку і я теж був дитина,
Тобі... Ти вміла шанувать.
Й теперь дозволь про це прохать:
Тепер коли на мавши долі,
В чужім краю, в нужді, в неволі
За рідним Краем слези лью.
(Бо Край мій щиро я люблю).
Прохаю ж музо! Будь же мати!
Не заставляй ще більш прохати!
Прийди на час і привітай!
Той час для мене буде рай!

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

КАЗАК

В незапамятные времена зародилось сие слово, к народу в ковыльных степях крепко оно приросло, и полюбил вольный наездник степной свое имя — Казак. Ни один историк не установит время этому слову, ибо оно вечно, без начала и без конца...

Не раз цари и воители жестокие заливали степь кровью казачьей, по рекам степным не раз плыли плоты с горою мертвых тел, стирались со степи городки, но бессмертно слово — Казак, и вновь появлялись в степях богатыри. От древних скифов, от алан, от бродников неугомонных, от татар широкостых, от поляков ловких и гибких, от упорного руса, из турок и Запорожья лились струи крови в народ Казачий, и вновь загорались по курганам костры...

Кровавый Петр, царь Московии, погнул свободу Дона и много чубатых голов к земле пригнул на целых 198 лет, но вот ударил час, и вышел Митрофан черноусый и словом ласкающим, голосом грудным открыл Круг Державный Войсковой.

Заполонило опять степь и захохотало по нем красное хамье. Много лет уже прошло: гнилым консервом лежит в банке Ленин, злыми собаками окружен умирает Бронштейн, и дрожит в Кремле Джугашвиль, но живет и крепнет вновь поднявшийся Казак...

И вечно будет слово это. Ни вражья рука, ни язва моровая, ни голод не уничтожит славный род. Прочтешь ли слева, прочтешь ли справа все одно выходит слово — **Казак!..**

Н. А-в (Польша)

ЕДИНСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА В НАШЕМ НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ!

СССР. НЕ — РОССИЯ; КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НЕ — РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Такова была тема публичного собрания — диспута, устроенного казаками-националистами города Праги 3-го мая в ответ на доклад пражских „оборонцев" ген. Сидорина, полк. Чапчикова и в-старш. Твердого, каторые на своем докладе, путем ограничения времени оппонентам, не дали высказаться полно многим желающим.

Поэтому собрание, устроенное казаками-националистами, привлекло довольно значительное число слушателей не только из среды казачьей эмиграции, но даже представителей других народов и местных граждан, представителей чехословацкой прессы и общественности.

Главным оратором, давшим тему для дискусси, был член ЦП. ВК. полк. Др. **Федоров.** Коротко повторив тезисы докладов г. г. Сидорина и его компании, остановившись на их возражениях оппонентам, которым не была дана возможность высказаться, др. Федоров перешел к освешению понятия — что такое Россия и что такое СССР.:

„Со времени появления СССР. на арене европейской общественности, определенные и специфически настроенные круги стараются использовать слабую степень осведомленности средних европейцев о современном СССР., играя на его восприятиях, связанных с былой мощью и полит. монолитностью царской России. Так поступает, с одной стороны, часть русской эмиграции, которая сознательно под держивает это ложное представление о тождественности СССР. и России, с другой стороны те люди, которым их окостенелая консервативность не позволяет воспринимать положение в истинном свете, среди которых есть даже такие, которые до сих пор „не признают" ни Финляндии, ни прибалтийские государства, ни Польши. В результате получается такое впечатление, что не только средний европеец-полуинтеллигент, но даже многие представители настоящей интеллигенции о СССР и России имеют такое же примерно представление, как средний китаец о европейцах; „Все они белые, а там кто их знает, как они еще делятся". Под Россией привыкли понимать огромную царскую империю с ее многомиллионным обывательством, с ее политической монолитностью, все население которое, как никак, носило некий единорусский психический отпечаток.

СССР. же не является Россией ни в том ни в другом смысле.

Российская империя имела в 1914 году 140 миллионов обывателей. Из этого числа война 1914—1917 годов, война 1917—1920 годов и связанная с последней смертность безусловно поглотили значительную часть. К этой убыли нужно прибавить и уменьшение населения в связи с освобождением нескольких закабаленных народов. Общее число людской потери для бывшей Рос. империи выражается цифрой 28,500,000.

Не менее были значительны и территориальные изменения бывш. Рос. империи. От нее отделились: Финляндия — 8 губерний, Польша 9 губерний целиком и части 6 губерний, Эстония, Латвия и Литва по одной целой губернии и части 3-х губерний. Кроме этого отошли: к Турции — одна губерния целиком и часть другой, к Румынии — вся Бессарабия.

Средняя Российская губерния по территории была не меньше земли Чешской короны, Бельгии и др. подобных государств Отсюда мы видим как значительно было территориальное уменьшение былой России, а европейская общественность, говоря о СССР, как о России, видимо, представляет его в размерах прежней России.

Но мало этого, бывшая Россия, в лице нынешней СССР. претерпела и большое внутреннее перерождение в сторону дифференциации; она распалась на национальные государственные организмы, населения коих в первую голову захвачены своим национально-этническим патриотизмом и основательно утратили чувство общеимперского патриотизма.

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) состоит из семи конституционно равноправных республик — Российской, Украинской, Белорусской, Закавказской, Узбекской, Туркменской и Таджикской. (Недавно Закавказская республика выделила из себе равноправную Грузинскую республику), Кроме того, сама Российская республика, в свою очередь, называется — федеративная и состоит из 6 национально федеративных частей (3 в Европе, а 3 в Азии). Разумеется, что эти федерированные республики в народностном отношении различны, сколько республик и столько народов.

Помимо всего этого, СССР. имеет еще 20 автономных национальных республик и 17 автономных национальных областей, населения коих в первую голову озабочены возрождением своей культуры, прогрессом своей государственности.

Украинская республика, в свою очередь, имеет в своем составе Молдавскую республику (румыны). Сама же РФСР (Рос. соц. фед.) состоит из 13 рес публик и 13 нац. областей. Закавказская республика распадается на 6 нац. реслублик и 2 нац. области. Кроме и помимо этого СССР. имеет еще 11 национальных округов.

Украинская республика имеет территорию в 451,7 тысячьи квадратни. килом. с населением в 32 миллиона! . . Белорусская — 127,7 тыс. кв. клм. и 5 с половиною миллионов жителей, Закавказская республика — 184,5 тыс. кв. клм. и 7 миллионов душ, Узбекская — 186 кв. клм. и 5 милл. душ. Туркменская 491,2 тыс. кв. клм. и 1 милл. душ, Таджикская — 140 тыс. кв. клм. и 1,300,000 душ. и т. д.

Поэтому нельзя вообще говорить о СССР., как о монолитном государстве, как о единой национальной России, с однообразным населением. Возникновение всех этих республик и нац. областей имело большое психологическое значение в деле национального пробуждения угнетенных народов. Нет никакого сомнения, что в случае возможности громадный процент этих народов начнет делать собственную национальную политику с целью полного освобождения и закрепления полной самостоятельности.

Самый руский народ в СССР. не составляет большинства. Иных (не рус.) народов в нем 52 процента. Множество из этих народов не только не русские, но даже и не славяне.

Если представители русской общественности здесь, в эмиграции, и большевики там, заменяют в последнее время СССР. Россией, а великороссов русскими, то это делается по тактическим сообра-

жениям, для обмана люда, заграничного в особенности.

Административная карта СССР. представляет из себя удивительную мозаику национальных организмов. Если исключить к этому из великорусского цвета наши казачьи цвета, то на карте мы увидим великорусский национальный остров вокруг Москвы, а дальше, на все четыре стороны, живут иные народы не только отличные от русского народа по языкам, вере и культуре, но и враждебные к русским по духу. Все эти народы в свое время были покорены русским империализмом, в истории многих из этих народов есть кровавые, нестираемые страницы, которые ныне, в век пробуждения национального самосознания, горят факелом в их душе.

Поэтому, если люди говорят о СССР, как о России, а о народах Советского Союза, как о русских, то они допускают сознательное искажение истины (русские), или впадают в опасное заблуждение (иностранцы, делающие политику сближения с СССР).

В настоящее время правители СССР. стараются убеждать народ, что СССР. и Россия — одно и то же. Отсюда—смешные и нелепые заверения при обмене нотами и представлении послов о . . . „давнишней дружбе и братстве наших народов" пред иностранцами. Но в самой СССР., ни в официальных актах властей, ни в печати, мы никогда не видим и не слышим о том, что СССР. и Россия суть тождественны. Разве только в последние дни, в связи с внешней опасностью, для пробуждения былого русского патриотизма, коммунистическая власть начала упоминать о России.

Совсем еще недавно в СССР., слово — Россия было наказуемо. Совсем недавно представители СССР. чувствовали себя оскорбленными, когда их называли представителями России. Всем известен случай, когда фр. министра Барту, допустившего такую путаницу понятий, немедленно поправил Литвинов—Валлах (Финкельштейн), заявив, что он не представляет Россию, а СССР. Если сейчас генерал Сидорин ссылается на то, что Эрио говорит не СССР., а Россия, то можно вспомнить, что и Ллойд-Джордж, деятель гораздо более крупного масштаба, чем Эрио, говорил о „генерале Харькове" на Украине. Достойно внимания и то, что при установлении почтовых сношений СССР. по положению международного почтового союза было опубликовано, что корреспонденция, адресуемая в „Россию", а не в СССР., может быть не доставлена адресату.

Я думаю, что нужно раз и навсегда отказаться от ошибочных представлений как бы они ни были нам милы, а смотрет на вещи реально. Российская империя была создана Петром и просуществовала 225 лет. В результате событий 1914 — 1920 годов эта империя существовать перестала, и нет никаких сомнений, что народы, бывшие в ее порабощении, увидев зарю своей национальной жизни, не захотят снова накладывать на себя российские узы. Россию постигла участь многих великих и многонациональных империй, распавшихся по национальным швам. Никто серьезно не может говорить о новом возрождении их, хотя сторонники такого возрождения есть и будут. И сейчас есть сторонники восстановления во Франции монархического строя и есть даже претендент на трон; есть сторонники восстановления былой Австро-Венгрии! . . .

Следует ли казакам уподобляться таким людям, для которых факты не существуют и трезвый разум безсилен? . . . Нет; . . Время и обстановка наложили на Казачество свои важные и реальные задачи. Заниматься мечтаниями о воскрешении политических мертвецов нам некогда! . . .

Необходимо осознать, что никакого российского государства нет, а есть интернациональное об'единение СССР; что никакого единого русского народа в СССР, нет, а есть советские народы, закабаленные интернационалным штабом пролетариев; нельзя забывать, что Красная армия не — русская армия, не национальная, а интернациональная, что она — орудие классовой борбы, авангард мировой революции, что СССР. она думает защищать не как Россию, а как базу и плацдарм для разворота силы коммунистического интернационала.

Так что-же, нам казакам — служить целям этой революции ?! . . .

Пойдем мы с большевиками разносить пламя мирового пожара ?! . . .

Будем расширять границы большевицкой мракобесии ?! . . .

Только безумец может твердить, что советские цели совпадают с интересами Казачества! . . . В Москве сидит не русское правительство, а интернациональное. Там не звучит русский гимн, а интернционал — гимн международного пролетариата! . . .

Лучше смотреть в лицо самой неприглядной действительности чем заниматься самообманом. Все славяне должны помнить, что СССР. не великая славянская держава и интересы СССР. совсем не родственны с интересами славянства.

Желают ли славяне опереться на действительную силу Славянского Востока, нужно переоценить ценности и искать опору не в создании какой-то „Новой России", где стонали бы народы славанской Украины, Белоруссии и Казакии, которые стали бы равноправными членами славянской семьи. Как раз мы видим с каким отчаянием ухватились коммунисты именно за национальные чувства Казачества и за его духовную силу. А давно ли было в СССР. запретным словом имя — казак? . . . Давно ли Сталин находил нужным „уничтожить Казачество, как класс?" . . . Давно ли московские заправилы говорили, что наличие в СССР. казаков — анахронизм?,..

Если Казачество представляет из себя такой солидный фактор для советов, если Казачество было таково, что Наполеон со 100,000 казаков считал возможным покорить мир, то и для славянства казачья сила и казачий дух может явиться опорой гораздо более солидной, чем коммунистический интернационал. Свобода и возрождение всех славянских народов и организация собственной силы — вот где прочная опора славянства . . .

Напрасно большевики пытаются представить казачий национализм, как национализм советский. Казачий национализм совсем не советский национализм! . . . Достаточно только проследить советскую прессу прошлого времени, сов. художественную литературу о Казачестве, его настроениях, чувствах и отношении к Советской власти, мы сразу видим, что у казаков в СССР. не только нет никакого советского патриотизма, но даже и рус-

ского вообще. Зато ключем бьет, кипит и везде проявляется свой, икслючительно казачий, патриотизм!...

Если новоявленные оборонцы советов отсюда читают в сердцах казаков „советский патриотизм", то это только потому, что им так хочется, или так обязаны говорить в силу взятой на себя известной роли. Многим из здешних мечтателей хорошо ответил новый подручный Сталина болгарин Димитров; „Голодной курице просо снится, куриными мозгами и думают".

Для Казачества цель ясна-восстановление казачьей государственности и строительство Казакии!

Наш национализм исключительно только казачий национализм и никакой другой. Ни одной капли казачьей крови за чужие интересы, тем более за интересы врагов Казачества! Кто им — друг, тот — наш враг и наоборот. Да здравствует Казачество, да здравствует Казакия!"

Эта красивая по форме, убедительная по логике речь Д-ра Федорова произвела на собрание сильное впечатление, и аудитория наградила оратора дружными аплодисментами.

За ним говорили:

— Др **Каминский** (полк. укр. армии): Поблагодарив Дра Федорова за об'ективный и академический доклад, оратор поддержал взгляды и выводы Федорова целиком. В своей речи он заметил, что ген. Сидорин до недавна не был сторонником таких идей, как „оборончество". Пространно разобрав стратегическое положение СССР. и перспективы его обороны без участия Казачества и Украины, полк. Каминский убедительно доказывал слушателям, что казачье-украинский общий интерес заключается в поражении СССР., на развалинах которого снова расцветет национально-государственная жизнь народов, заключенных поныне в советскую тюрьму.

— Доц. **Омельченко Г. В.** (тов. Пред. Куб. Кр. Рады): В темпераментной и отчетливой речи жестоко осудил работу ген. Сидорина и его сподвижников по защите СССР. „Никто, кроме большевиков, не собирается завладеть нашими землями. Большевики хотят казачьими руками душить другие народы. Казачеству с оборонцами не по пути. Прочь большевиков с казачьих земель, а с остальными пришельцами казаки сами управятся. Пролитая кровь наших родных требует не помощи им поработителям, а наоборот. Нужно быть умалишенным, чтобы помагать тем, которые перебили массу казаков, разграбили все Казачество и обратили в крепостных рабочих по колхозам. Болшевицкому дурману, приподносимому Сидориным. Чапчиковым и Твердым мы не поддадимся!" ...

— Инж. **Глазков:** „Гг. Сидорин и Ко играют на струнах чехословацкого гостеприимства, стремятся разделить казаков и говорят, что было бы черной неблагодарностью не стать в ряды армии ЧСР. в случае войны ее с Германией из-за Советов. Все это не так. За гостеприимство мы отплатим сторицею, но проливать кровь за советские хитросплетения нельзя, так пришлось бы всем казакам вступать в ряды иных армий по местожительству и бить друг друга?! Никогда! В будущей войне казаки не будут защищать большевизм и марксизм, а будут биться против них с теми, кто будет против них за общие с нами цели. Мы. казаки, стремимся организовать единый крепкий фронт угнетенных народов. Служить иным интересам, или помогать в той или иной форме советам, это значит — глумиться над памятью тысячи и тысячи павших замученных большевиками сынов казачьего народа. Кровь наших братьев непроходимой рекой лежит между нами и большевиками. За память погибших лучших наших братьев, за свой порог и угол мы будем биться во имя свержения советской власти на наших землях!.. Мы не смеем приносить еще большую моральную боль тем тысячам казаков, которые, ожидая от нас избавленья, томятся в болшевицких тюрьмах и гибнут в концлагерях. Мы не смеем глумиться над кровью и слезами того Казачества, которое живет и страдает там, но верит, как писал советский писатель Шолохов, что взойдет солнце и весна засияет над казачеством, и оно возродится мощным и свободным!" ...

— Др. **Чочия** (груз. нац-т), целиком присоединяясь к докладчику и к мыслям предыдуших ораторов, подчеркнул, что „историческим врагом национальностей в России и СССР. неизменно являлось великодержавие великорусского народа. Не цари сами по себе, а что и советы проводят такую-же великодержавную политику, чем и восстановили против себя фронт угнетенных народов, стремящихся во что бы то ни стало разбить власть СССР. Нас связывают с казачеством одни цели, и мы верим, что победим и устроим свою свободную жизнь в братском единении".

Многочисленная аудитория с неослабеваемым вниманием выслушала доклад и речи б. оппонентов Сидорину, награждая их частыми аплодисментами Аплодировали и чехи, сопровождая возгласами: „выборно!" (т. е. отлично!) особенно ударные места речи инж. Глазкова и доц. Омельченко.

В перерыве после доклада Президиуму было предложено дать отчет для помещении в чешской прессе, а Д-ру Федорову — принять участие в сотрудничестве в чехословацкой националистической газете „Обрана Народа" совместно со всей группой казаков-националистов. (Это уже осуществлено).

Казачья аудитория, вне зависимости от уличных взглядов и убеждений, вполне согласилась с вышеперечисленными ораторами и категорически осудила кампанию г. Сидорина. Случайно попавший на собрание кубанец Др. Банкин под конец предложил следующую резолюцию:

„Заслушав прекрасный и содержательный доклад Д-ра Федорова и речи полк. Каминского, доц. Омельченко, Инж. Глазкова и Д-ра Чочия по вопросу о защите Казачеством СССР, будируемым особенно остро ген. Сидориным, полк. Чапчиковым и Твердым в связи с восстановлением Казачества в СССР. и вербовкой зарубежного Казачества на защиту Советской власти, Обшеказачье собрание в Праге единогласно постановило: **Поведение упомянутых лиц, направленное к защите советов, признать гнусной провокацией по отношению зарубежного казачества** — донцов, кубанцев, терцев и потомков Запорожья — украинцев. Осудить гг. Сидорина, Чапчикова и Твердого, как людей бесцветных, потерявших к себе всякое уважение, за их демагогические выступления провакационного характера и довести об этом до сведения Чехословацкого Правительства и общественного мнения

через посредство прессы, дабы раз навсегда положить конец провакационному будированию умов Казачества".

Резолюция эта была встречена громом аплодисментов и единогласно принята, как решение всего собрания.

Так бесславно прогорели, благодаря дружному выступлению казаков-националистов и поддержке их казаками вообще, новоявленные советофильские пророки, волки в овечьих шкурах.

Коренев В.

„Совето-оборонцы" (Сидорин-Чапчиковъ-Твердый) и „источник" их энтузиазма

„ИЗБЕГ В КАЗАКИ"

„Избег в Казаки" — такой отметкой приостанавливалось всякое следствие на Москве. Ушел в казаки — этим самым человек, якобы, переходил на другое положение, и ему **прощались** все его „грехи". Он, как бы, постригался, переходя в другую жизнь. И действительно, ушедший в казаки переходилъ на другое положение по понятиям Москвы. Этим подчеркивалось **стремление всячески усиливать** казачество на окраинах" — так начинается статья д-ра В. Синеокова в № 2 „Вольной Кубани". В дальнейшем, на основании этих случаев „избега", утверждается, что казачество вышло из недр русского народа, что прямое назначение казачества и смысл его существования служение русской государственности в качестве „социально-политического фактора".

С первых же слов этой статьи бросается в глаза искуственность и натянутость утверждений и выводов автора. Не ради полемики, а только в порядке уместной поправки на попытку автора изуродовать лицо Казачества и произвольно толковать факты, ответим мы только по главным моментам этой статьи:

1. Самый факт побегов русских под'яремных людей в Казачество и термин „избег в казаки" свидетельствует о том, что Казачество, как самостоятельный и сильный государственный организм, существовал до начала этих „избегов" и опровергает главное утверждение автора о том, что Казачество, будто, вышло из недр русского народа.

2. Следствие по делу убежавшего прекращалось не потому, что ему „прощались" грехи, а просто потому, что человек эмигрировал в другое государство и оказывался вне досягаемости московской администрации т. е., говоря современным языком, он находил защиту в принципе международного права о политическом убежище, выражаемого тогдашними донцами в формуле: „С Дона выдачи нет".

3. Еще более забавно утверждение автора о том, что Москва прекращала следствие, стремясь „усиливать казачество". Как автор, в таком случае, об'ясняет те многочисленные тяжбы, переговоры и конфликты между Доном и Москвою из-за невыдачи с Дона беглых русских людей? Что угодно, только не заботилась Москва об усилении Казачества.

4. Черезчур натянут вывод автора о чистой русскости казаков на основании этих случае „избегов". Верно, что в Казачество, как в единственное свободное и демократическо государство в те времена черной деспотии, сбегались свободолюбивые люди не только из России, где всегда царил наихудший вид гнета, прибегало больше чем из других мест; возможно, что они оставили известный след, наложили отпечаток на казачье лицо, но эти русские эмигранты не превратили казаков в русских.

5. Что-же касается роли Казачества в составе России (после его покорения и присоединения), то эта роль не была казаками добровольно взятой, какой-то мессианской ролью, а навязанной центральной российской властью. Таким образом, „социальнополитическим фактором" (т. е. орудием рос. правительства) Казачество стало только в результате его подпадения под зависимость России. Любопытно заметить, что г. Синеоков, отводя Казаче-

ству роль „социальнополитического фактора“, этим самым оправ-дывает поведение и коммунистической власти в отношении Казачества, ибо и Сталин, в течении 15 лет уничтожавший Казачество, как опасный класс, ныне переходит к системе использования его как положительного социально-политического фактора, т. е. собирается использовать Казачество, как защитников граней нынешней России в случае внешней войны и, может быть, как „защитников порядка против врагов внутренних“. Надо полагать, что г. Синеоков, верный своим взглядам на Казачество, всецело поощряет политику Сталина!...

6. Передергивает автор и относительно „привиллегий“ казаков в старой России, якобы данной в результате услуг Казачества русской государственности. Услуги, что и говорить, были оказаны большие (это доля всякого покоренного народа, и эфиопы через некоторое время, пожалуй, станут ударными частями в итальянской армии), но привиллегий Казачество никаких не имело. То, что г. Синеоков называет привиллегией, было ничто иное, как жалкие остатки собственных суверенных казачьих прав, как граждан былого самостоятельного государства, Правада, Россия могла и совсем отнять все права, но ценность Казачества для государства была столь, высока, что она кое-что оставляла еще за Казачеством из его собственных прав.

7. В качестве аргумента в пользу добровольности служения Казачества России, русские любят ссылаться на случай с Ермаком в Сибири. По нашему шаг Ермака был продиктован только безвыходной политической и военной ситуацией. С небольшим отрядом он врезался в гушу враждебного народа, был отрезан от базы. Отступать не хотелось, а возможно, что и не сумел бы, быть уничтоженным или поглощенным татарами не хотелось тем более. Помощи от казачьего центра, от Дона, не было, ибо поход был начат по собственной инициати ве и на свой риск. Оставался единственный выход — это отдаться под покровительство Москвы. Из двух зол он выбрал меньшее. Случай с Ермаком совсем не характеризует Казачество. Это интересный политический эпизод и только. Так и Украина, под влиянием наличия худших перспектив, избрала „союз“ с Москвой.

Каждый логически и честно мыслящий националист уважает националиста всякого другого народа. Поэтому мы не можем строго судить г. Синеокова, как русского патриота, за его попытку несколько изменить подлинное лицо Казачества и превратить казаков в полезное орудие для своего государства и народа. Стремление понятное, хотя и подлое.

Но достойна осуждения редакция „Вольной Кубани“, которая, нося такое название, прикидываясь защитницей казачьих интересов, позволяет в свом журнале такие тенденциозные освещения казачьего лица. Могут ли быт у казаков еще сомнения в том, что „Вольная Кубань“ слишком явно начинает проводить политику русского правого крыла?... Дело дошло до того, что „ВК“ идет дальше большевиков: В одной советской частушке последнего времени есть фраза, в которой Казачество названо племенен, т. е. уже и большевики частно признают Казачество за отдельное славянское племя, а „ВК“, устами Персиянова, возмущается этому определению. Видимо, гг. Персияновым было бы гораздо приятнее, если казаков называли ... „холопами царя“. Нет, господа! Национально-проснувшееся, казачество вам не превратить в „социально-политический фактор“.

И. Чепраков

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

На обложке ж. „Вольное Казачество“ № 195 напечатано довольно странное распоряжение вольным казакам в Польше за подписью „Походного Атамана И. Билого“.

Если бы фамилия, коим подписано это распоряжение, не значилось на титульной странице тогоже журнала как редактора-издателя, я, конечно, как и всякий другой, на подобное произведение, состоящее из лжи и провакации не обратил бы никакого внимания.

Но поскольку этот самозванный „атаман“ является редактором журнала, т. е. лицом ответственным, его бабью брехню, достойную базара, оставлять без надлежащего ответа не нахожу возможным.

11-го марта сего года мною было послано в редакцию „ВК“ письмо следующего содержания:

„Уважаемый станичник Редактор!

В № 193 ж. „ВК“, на стр. 26, в постановлении станичного сбора об образовании Вольно-Казачьей станицы в Варшаве, между прочим, напечатано выражение: „Копию настоящего постановления выслать в канцелярию Походного Атамана“.

Ввиду того, что в оргинале постановления, подписанном всеми присутствующими на собрании вольными казаками, такого выражения не было, а внесенное лично председательствующим ст. Шумилиным! „Копию настоящего постановления послать Пох. Ат. И. Билому“, при возгласах со стороны казаков: „Никакого Пох. Ат. мы не выбирали и самозванство не признаем!“ было вычеркнуто, то помещение моей подписи в приговоре, с имеющимися в нем словами — „Пох. Ат.“, которого я не подписывал, считаю поступком, мягко говоря, недобросовестным, и против такой „вольноказ. работы“ протестую. Слышались также голоса: „Вольно-Казачья станица в Варшаве создана для Вольного Казачества, но не для какого-то Билого“. С почтением И. Рудаков“.

Редактор же „ВК“, вместо того, чтобы напечатать вышеприведенное письмо и, таким образом, исправить „досадно вкравшуюся ошибку“, как это делают редактора других изданий, нашел лучшим для себя не напечатать таковое, а прикрывшись присвоенным им, ничего общего не имеющим с обязанностью редактора, титулом, решил опубликовать не лишенное комизма „распоряжение“. Получилось: „В огороді бузина, а у Киеві дядька“. Писал я ответственному редактору, а ответ получил от безответственного самозванца с угрозами, который пишет: „Ныне я получил от г. И. П. Рудакова письмо“ и пр. И под конец подпись: „Поход-

ный Атаман", тогда как в действительности я писал не какому-то „Походному", а только редактору журнала „ВК".

Посылая письмо в редакцию о зачислении группы „в число организаций ВК движения", Рудаков не предполагал, что ему придеться столкнуться с более нахальным самозванцем, чем те, от которых, желая вместе с казаками отбиться, он принимал участие в создании ВК группы и которых особенно много появилось среди казаков в Польше за последнее время. Один — „Баратов—Бакланов—Бабиев—Федор Рудаков—Власов", а теперь „Борков" и пр., называющий себя „Верховным Походным Атаманом всего Казачества" ... Не мало крови попортили они казакам и не одного ударили по карману!... И тоже пишет „распоряжение" ...

Голословное и ложное заявление г. Билого о якобы имевшем место „изливании" мною перед ним преданности, можно об'яснить только потерей им, благодаря озлобленности, равновесия, когда человек болтает все, что на ум взбредет. В самом деле: о какой преданности Билому со стороны Рудакова мог быть разговор после того, как за несколько дней до встречи, Рудаков посылая по делам группы в редакцию „ВК" письмо, не нашел нужным давать Билому даже своего адреса!? Не сообщил его Рудаков и после того, когда г. Билый в № 177 через почтовый ящик писал: „Польша И. П. Р. Сообщите свой адрес и адрес Б. о котором упоминаете в своем письме".

Доказательством неподачи мною своего адреса на этот раз может служить письмо г. Билого к г. Бородину, в котором Билый, высказывая о своем желании увидеться с Рудаковым, упрекал последнего в несообщении адреса.

Едва ли кто согласится и с тем (прошу извинить за пользование, хотя правдивыми, но несерьезными фактами, на что толкает меня сам редактор Б. своим несолидным и подлым поведением по отношению ко мне), чтобы мой отказ от его угощения в ресторане мог служить признаком „изливания" мною преданности Билому. При этом присутсвовали: жена Билого, есаул Шумилин и с. Бородин. Точно также, я и Шумилин отказались и от приглашения его пойти с ним на „чашку кофе".

Случая недопущения мною к г. Билому „инакомыслящего" также не могло быть уже по одному тому, что казаков, якобы „пылающих жаждой" лицезреть его, в Варшаве я не только не видел из среды инакомыслящих, но не видел их и из среды одинаковомыслящих. Участие в „торжестве"—по случаю приезда „Походного" на открытие с'езда из 50—60 казаков, проживающих в Варшаве,—только **одного** казака — убедительнее всяких слов свидетельствует о том, насколько основательны и серьезны претензии г. Билого на популярность, какой „симпатией" он пользуется среди варшавских казаков и насколько правдивы и ценны его обвинения по адресу других.

Во время первого его приезда в Варшаву, когда мне самому пришлось приглашать казаков „ради казачьего приличия" принять участие в собеседовании с редактором жур. „ВК", как гостем, находились такие, которые не только отказались и отказывались от участия в беседе, но и заявляли, что если редактор желает видеться с в. казаками, то пусть сам для этого наймет помещение, а мы платить по 50 гр., чтобы видет его, не желаем.

Что касается моих поездок по Польше, то я, имея право на бесплатное пользование жел. дорогами, как государственный жел-дор. „рентист", езжу к казакам, но никакой агитации я не веду против него. Считаю, что Билый не заслуживает того, чтобы я им интересовался и уделял его особе много внимания. Хвалить же его предоставляю другим, так как занятие это является для меня не только нелестным и неприятным, но и совершенно несоответствующим моим летам, характеру и взглядам на работу, каковую должен вести каждый казак-националист. (Для похвальбы существует особая порода людей, так называемые — подхалимы). Если же когда, помимо воли моей, в разговорах с казаками приходилось высказываться о „бумажном вожде", то говорил то, чего он заслуживает.

Г-на Билого я знаю с 1921 года по Варшаве, когда он еще назывался Белым и, до высылки из Польши государственными властями небезызвестного полковника Гнилорыбова, ютился около последнего. С от'ездом Гнилорыбова в Чехию, выехал туда и Белый, о котором казаки в Польше с тех пор не слышали ничего в течение 7 лет, пока не удалось ему хорошо устроиться в денежном отношении при редакции ж. „ВК".

И ныне, перейди средства редакции в другие руки, о Билом на другой же день все забудут, ибо без денег он нигде не скажет и не напишет ни одного слова. Знающие же его приятельские отношения с Гнилорыбовым были уверены, что Белый уехал вслед за ним в Совроссию, тем более, что на предательские и провакационные воззвания Гнилорыбова, когда все Казачество возмущалось и протестовало, он не высказался по этому вопросу ни единым словом.

В бытность мою членом Донского Войского Круга, мне не раз приходилось встречаться и разговаривать с приезжавшими на Круг в составе делегаций от Рады кубанскими самостийниками, которые в беседе по больному в то время для кубанцев вопросу: „кто бы из самостийников мог повести за собой казаков Кубани, для свержения крепко засевшего с кучкой добровольцев в Екатеринодаре Деникина, называли несколько фамилий, но фамилии Белого никто не называл.

После Новорос. катастрофы, оставшись на Кубани, скрываясь сначала в горах, а потом переселившись в камыши, до прихода частей десанта ген. Улагая, мне в течении 6-ти месяцев пребывания там приходилось не только встречаться и разговаривать, но и целые месяцы „жить" с группами казаков-черноморцев, (старыми и молодыми), тоже скрывавшимися в камышах. И несмотря на то, что все эти преследуемые и гонимые были из станиц ближайших к Ольжинской (Ольгинской), место рождения Белого, никто из них о его „выдающихся подвигах", о которых он так усердно и много расписывает, ничего не говорил, и о существовании Билого, видимо, мало кто знал. А говорилось в то время очень много и о многих и многих ...

Как оценили 9-ти летнюю „работу" Билого казаки, проживающие в Польше, которых насчитывается около 1000 человек (см. № 133 „ВК" ст. 19) и на которых он, по своей особой „деликатности" смотрит как на „военное поселение" можно

судить по их отношению к „созываемому“ им ВК с'езду, на который, для того, чтобы было из кого выбрать „должностных“ лиц, под разными видами, выдумывая „Вр. Окр. Правл“ и пр., рискуя нарушением статута „Союза ВК в Польше“, утвержденного местными властями, было привлечено ... 8 человек. Всех же делегатов было 13 человек.

В выборах делегатов для посылки на с'езд принимало участие в Варшаве 7 казаков, посылая 4-х человек; в Августове — 7, в Луцке — 11 (считая в том числе и Чебурашкина, регистрирующего у польских властей уроженцем Саратовской губернии, а у вольноказ. „власти“ войск. старш. Дон. Войска).

Успехи—после троекратного приезда г. Билого в Польшу и навязывания им „своего атаманства“ в „военном поселении“ и доказательства его „популярности“ — налицо.

Член Дон. Войск. Круга в-старш. И. РУДАКОВ

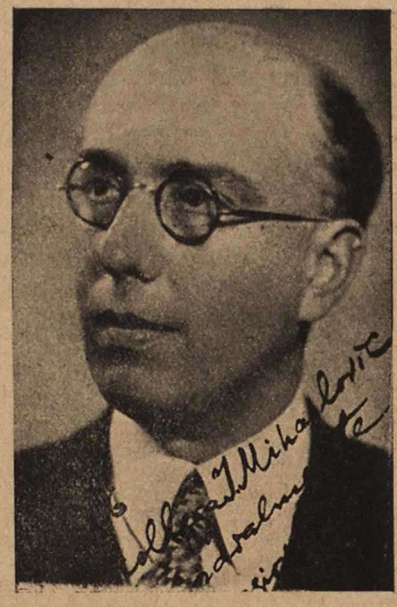
Варшава 5. VI. 1936

От редакции: Письмо с подобным же содержанием, изобличающим проделки „Походного“ и его сторонников в Луцке, с простестом против решений устроенного г. Билым с'езда и т. д. получено нами и от ст. Алифакова из гор. Луцка. Чтобы не занимать слишком много места г. Билым, редакция воздержалась от публикации этого письма. Редакция благодарит автора письма за его лойяльное к ней отношение и просит не обижаться на нее за непомещение его письма. Дело в том, что „биловский вопрос“ уже потерял остроту. Вольные казаки уже все почти раскусили и раглядели его лицо. Этому не мало помог Билый своими поездками, представ перед лицом казачьей массы в своем подлинном виде и с своими приемами. Поэтому редакция „Казакии“ определенно избегает материалов, посвященных г. Билому, особенно таких, где в адрес его употреблены слишком резкие выражения. Наше пожелание, чтобы каз. националисты без особенного шуму и острых столкновений об'единились вокруг ЦП., которое единственно придерживается чисто казачьих общественных традиций и обычаев. Хотя настоящее ЦП выбрано без участия некоторых округов, не полным с'ездом представителей округов, но оно порождено вольной волей казачьего коллектива, а на будущее—оно не теряет надежду — предстать перед лицом более обширного с'езда казачьих представителей. Об'единение всех казаков-националистов необходимо. Это едва ли кому нужно доказывать. Это об'единение достижимо только путем сосредоточения казачьей народной воли вокруг Центр. Правления, которое, в лице своего состава, беспрерывно продолжает придерживаться принципа законности и преемственности. Помните, дорогие станичники, что „узурпированное право нельзя защитить пассивностью и предоставлением вольных рук тому, кто узурпировал это право, а только активным противодействием, проводимым на основе законности“. Так учит известный чешский националист-революционер Карел Гавличек—Боровский.

„Народ, которому все запрещается, который не руководит сам собой, в котором подавляют всякую инициативу, воспитывается на раба“. М. Ш.

КАЗАКИ-НАЦИОНАЛ. В ИНОСТРАН. ПРЕССЕ

15 июня с. г. въ София, Болгария, вышелъ новый № газеты **„Светогласъ“**, являющейся печат. органом **„Дружества иностранных публицистов и писателей въ Болгарии“.** Упомянутое Д-ство состоит из виднейшех работников на культурном поприще, имея в своем составе известнейших болгарских публицистов и писателей, представителей иностранной колонии в Болгарии и сочленов-корреспондентов всей Европы. Членом этого Др-ства является и наш казачийпублицист член Ц. Пр. К. Н. д-р Федоров — Лантух (Прага) и в свежем №-ре „Светогласа“ казаки с большим удовлетворением читали его статью„Болгары и казаки от далекого прошлого до настоящего“. Эта статья отмечена и болгарской общественностью, т. к. в ней есть новооткрытые исторические данные по последним исследованиям чешских и др. ученых, непосредственно относящиеся к Кирилло-Методиевской эпохе. Крайне интересна эта статья и для казаков, особенно в тех ея частях, где упоминается многократное эмигрирование казачьего народа в земли болгар.

Проф. Д-р Джиорджио Нуриджани, итальянский публицист

По системе, принятой газетой „Светоглас“ все помещенные в ней статьи на болгарском языке во второй половине газеты, преподносятся читателю на французском языке, как языке международном, что служит возможности, более широкого ознакомления во всех культурных странах с сериозным и крайне интересным материалом этого печатного органа — культурного борца за идею сотрудничества всех культурных народов, путем взаимного ознакомления.

Создателем Д-ва иностранных публицистов и писателей и директором газ. „Светоглас“ является, талантливый итальянский публицист проф. д-р Джиорджио Нуриджани. Кроме того, что уважаемый публицист сам по себе является незаурядной личностью, ознакомление с его деятельностью может послужить на пользу и как пример молодым казачьим силам, посвятившим себя ответственной роли борцев за Казачью Идею.

Г. Нуриджани всегда живо интересующийся общественной жизнью каждаго народа не пропускает случая сказат свое веское словоь в защиту человеческих прав порабощенных.

Т. напр., когда сыны одного порабещенного народа взывали о помощи г. Нуриджани создает два труда: „Македонската трагедия гледана отъ Римъ“, 1933 г. София (на болг. яз.) и „La Macedonia nel pensiero Italiano“, 1933 г. Римъ (на итал. яз.).

В этих своих трудах талантливый публицист не только аппелирует к мировой общественности, но требует свободы македонскому народу, ссылаясь на великое историческое прошлое македонян и обосновывая требование независимости Македонии — правово.

Размеры журнальной статьи не дают возможности, кроме вышеупомянутого, описать разнородную деятельность этого гуманного работника пера, но имеющие удовольствие лично знать г. Нуриджани всегда отмечают его готовность идейно служить, жертвуя свое личное ради общего, что так присуще этому неутомимому культурному работнику, этому обаятельному в обществе человеку, соединившему в своей талантливой личности прирожденный аристократизм с необходимым для современности демократизмом.

В заключение остается пожелать **г. Нурижану всяческого успеха во всех его культурных начинаниях, а нам, казакам, остается пожелать иметь симпатию и приятельство, так нам необходимые в нашем трудном деле борьбы за Казачье право свое, таких высококультурных людей и выдающихсж публицистов, как уважаемый г. Нуриджани.** Ч.

В ТЕМНУЮ НЕ ПОЙДЕМ

После многих лет мирного сожительства Кубанский и Терский атаманы развелись. „Кавказский казак" похоронили, и каждый издает свой журнал. Канцелярия Куб. атамана издает: „Вольную Кубань". Название, что и говорить, хорошее, да только о воле там ни полслова. Читал я номер первый „Вольной Кубани". Весь он заполнен речами ораторов на чествовании памяти умерших вождей Казачества. Говорили там многие и все одно и то же:

Казаки много крови пролили, служа России,
казаки много услуг оказали России,
казаки расширяли границы России,
казаки одни боролись против большевиков России,
казаки героизма много проявляли в войнах России и т. д. и т. д.

Все это, конечно, верно. Греха нечего таить. Можно это и вспоминать, но одно упущение казаки при этом делают: уроков для будущей жизни из этого не черпают.

Взял бы кто-нибудь и спросил этих ораторов: „А какой результат имеют казаки от всей этой службы России?! Получили казаки хорошую жизнь в России по своим заслугам?".

Ведь, на самом деле, поглядите станичники, что получилось:

Служили, кровь лили, головы клали, героизмь показывали, били врагов внешних и внутренних, а толк-то какой от этого имеем?... Казаков все больше теснили, урезывали, нищали, а пришла революция, так и совсем кровью затопили. И напрасно думают, что только большевики нас так защемили! Не надо забывать, **что** сказал Чернов, как только сел на министерское кресло; не надо забывать, как Керенский с нами начал было обращаться. Нет, песенка наша была спета уже при всякой власти в России... Служба наша России была напрасной и глупой.

И теперь, если наши атаманы и вообще старики вспоминают про эту службу, то должны честно и по отечески предупредить нас, чтобы мы больше такой глупости не учудили.

Вот в том же номере „Вольной Кубани" три войсковых атамана горячо зовут и убеждают казаков — об'единиться вокруг них. А я спрашиваю: Для какой цели нас хотите об'единить? Что вы хотите достичь нашими силами? Куда вы нас хотите вести?... На какое дело?...

Без ответа на эти вопросы об'единяться вокруг вас казаки едва ли станут. Тем более нам известны ваши наклонности. Слава Богу, однажды вели нас и вот куды аж вывели, угробив нашу молодую Свободу.

Вот националисты зовут, так они говорят ясно и точно — куда они зовут и что намерены сделать. Сочувствуй или не сочувствуй, но ясно видишь — чего люди хотят.

А вы, господа атаманы, куда нас зовете?... Ведь хотите нас об'единить для **чего-то,** не так ли?... Уж не завоевывать ли для Кирилла трон?... Не защищать ли СССР. от внешних врагов?... Не расширять ли границы России, покрывать казачьими костями горы Кавказа и Карпат?...

Нет, батьки-атаманы!... Если так, то не тратье силы. За таким делом дураков уж будет мало. Я лично за русские интересы не то что кровь, а и пот не пролью. Будя! Сыт по горло!... Если лить кровь или умирать, то уж за свой казачий интерес и за свое дело. А то России-то служить умели, а себе — нет.

Если вы, старики-атаманы, есть настоящие матерые казаки, достойные вожди народа, то служите ему—своему несчастному народу, дайте ваш ум и знание. Если дошли до того, что кроме выслуживания перед русскими, у вас и мыслей в голове нет, то идите, Бог вам судья, но не зовите нас с собою. Изменяющий своему народу раз грешит, а зовущий и других на измену грешит дважды.

Казак ВВД Мих. Лазаренков (Франция)

БРАТЬЯ КАЗАКИ, ДОРОГИЕ СТАНИЧНИКИ ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК — СЛУШАЙ!...

Наш Дон, Ты для нас заветный!
Ты раздолье для казаков лихих!
Перетерпи ад кромешный —
Скоро Ты увидишь сынов своих!
Нам наш шлях освещает луна,
Мы знаем наши Казачьи реки,
И своего не дадим никому во веки.

В настоящие тяжелые дни нашего скитания живем мы, казаки, теми надеждами, теми настроениями, чтобы скорей попасть в наши родные Казачьи Земли и освободить, из под гибельного гнета Сталина, наших родных и близких. А надежду эту подает нам только казачье национально-освободительное движение. Путь казаков-националистов—чисто казачий и нестираемой линией тянущийся веками через всю историю Казачества.

Братцы казаки! Неужели вы не можете понять — от кого и почему мы страдаем?... Богаче и прекраснее наших земель мало на свете. Наш северный сосед сосет его соки и нас вытеснил. А потому наше спасение только в том, чтобы освобо-

диться из его клещей и получить возможность своим добром распоряжаться нам самим в свою пользу, и тогда счастливее нас не будет народа.

Что и говорить — тяжелые годы выпали на нашу долю, но не падайте духом. Много-много разбыло великое вольнолюбивое Казачество в тяжких испытаниях и **„переделках"**, но его крепкий дух, стойкость в беде и воля к победе всегда выводили его на нужный путь.

Так и теперь, родные мои братья, по чужим городам и селам скитающиеся, не опускайте голов, не думайте, что все корабли наши сгорели — есть еще у Казачества духовная опора: жива наша государственная Конституция, живы наши народные избранники—члены Донского Круга, не перевелись у нас еще патриоты бескорыстные, и они выведут нас из трясины бед. Только нужно, братцы, верить им и идти за ними...

Покуда мы будем бодры духом, сильны верой в нашу победу, покуда у нас будут горячие защитники наших природных прав, покуда у нас не убита вера в наших людей и в нашу священную идею свободы, мы еще не побеждены.

С Богом, братцы, вперед по пути Свободы, по пути Воли и возрождения!...

С казачьим приветом
казак ВВД. хор. ИВАН АНДР. БОЛДЫРЕВ (Франция).

БОЛЬШЕ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ, БРАТЦЫ!...

Когда мы показывали людям журнал „ВК" и хвалились им как нашим журналом, нам говорили: „Это не ваш журнал, не на ваши деньги он издается, если есть готовые деньги, всякий издаст такой же журнал!" и бывали мы смущены и огорошены.

Теперь слава нашим братьям, которые своими копейками, своими руками, шумной братской семьей, заложили и укрепили наш собственный казачий журнал „Казакию". Трудовым потом и мозолями отдает от нашего этого журнала, и никто не смеет сказать, что это — не наш журнал!... Так вот, братцы казаки, помните великое значение „Казакии". Этот журнал показал миру, что мы, бедные и разогнанные по свету казаки, за нашу идею свободы способны отрывать от своих ртов куски и посылать наши потовые гроши на общее дело. Это доказывает всему свету, что наша идея о казачьей свободе и самостоятельности никем нам не навязана, никем не выдумана, а что она гвоздем сидит в каждом смелом казаке, будь то доктор, инженер, журналист или рабочий!... Вот в этом заслуга великая творцов „Казакии", которые очистили нашу идею. Помните, братцы, это и не забывайте, кто может, о поддержке своей чистой трудовой копейкой нашего печатного органа.

Каз. ВВД. Е. КОЧЕТОВ (Польша)

ХАРАКТЕРНАЯ МЕЛОЧЬ

Хоть казаки достаточно хорошо осведомлены о моральных качествах г. Билого, в посмешище всем именующего себя „Походным Атаманом", все же нельзя молчать, когда он сознательно, с заранее обдуманным намерением, мажет дегтем все чистое и честное, что имеется в Казачестве.

В газете „Последние Новости" от 5 марта с. г. появился отчет, видимо развязного в отношении фактов, репортера этой газеты о банкете добровольцев, в котором в уста генерала Тарарина вложил этот репортер слова, сказанные, якобы, от имени б. Походного Атамана генерала-от-кавалерии Петра Харитоновича Попова о том, что он: „всей душой чувствует себя в добровольческой среде".

Достаточно было этой безответственной фразы юркого милюковского агента, как г. Билый, всегда пользующийся и пустячным поводом плюнуть на все значительные политические фигуры в Казачестве, разразился в своем журнале „Вольное Казачество" № 194 тирадой по адресу П. Х. Попова, попутно доказывая своим читателям, что Попов не с казаками, а с „добровольцами ген. Деникина".

Невольно каждый спросит — для чего это ему понадобилось? А для того, чтобы посеять сомнения в души казаков в отношении ген. Попова, чтобы восстановить против него казаков, ибо Петр Харитонович — опасная для него фигура, могущая об'единить вокруг себя казаков и, таким образом, свалить с трона самого „походного" Билого!

Чувствуя свое политическое ничтожество, но одержимый неизлечимой болезнью — стать первым президентом будущей Казакии, Билый все свои силы употребляет на то, чтобы политически скомпреметтировать всех казаков, которые стоят выше него своей моральной чистотой и своим общественным весом могут задавить его.

Вот почему он с такой поспешностью и нескрываемой радостью ухватился за лживую заметку „ПН", чтобы попытаться восстановить казаков против П. Х. Попова.

Чтобы выяснить истину, я обратился к генералу Тарарину с вопросом—так ли на самом деле было — и получил от него ответ: „Ничего подобного не было".

Дальше я обратился к самому П. Х. Попову и получил от него ответ: никакого полномочия для подобного заявления он ген. Тарарину не давал, торчание Тарарина со степняками возле нынешних добровольцев он (П. Х. Попов) считает непристойным, никаких нежных чувств как к нынешним добровольцам, так и к самим генералам Деникину и Миллеру он, П. Х. Попов, не питал и не питает. Заметку „Посл. Новостей" и вылазку Билого он считает незаслуживающими внимания порядочного человека.

Так отвечая на мой запрос, П. Х. Попов был любезен предоставить мне право это его заявление довести до сведения казаков, что я с большим удовольствием и делаю.

Я знаю, что Петр Харитонович не все разделяет в нашей тактике. У нас с ним есть единство взглядов и согласие по многим кардинальным во-

просам, но есть и пункты, по которым он с нами расходится. И пусть не разделяет некоторые наши положения. Пусть даже по некоторым моментам нас осуждает. Но казаки-националисты должны твердо помнить, что П. Х. Попов имеет великую заслугу перед Доном: только он один в самый трагический момент Донской истории сохранил на деле непокорность Дона перед красной тряпкой Москвы. Знамя Донского Казачества в руках Попова ни на один день не было свернуто и не положено к ногам красных. Только один Попов в те дни, когда всем казалось, что Казачество покорилось большевикам, сохранил веру в непокорный дух Казачества и нашел в себе духовную силу выйти с оружием на поле чести Дона.

И поспешно бросать комки грязи в этого маститого и матерого казака может только человек с атрофированным чувством моральной этики. Таков, видимо, г. Билый.

ШАМБА БАЛИНОВ (Франция).

През. ЦП. настоящим предлагает всем Окружным Атаманам, а где их нет, то местным членам ЦП. или его представителям регулярно, раз в два месяца, считая начало с 1 июля сг., сообщать През ЦП. об организационном состоянии Округа, констатируя как явления положительные, так и отрицательные На основании этих сообщений През. ЦП. будет делать организационную свободку за истекший период и давать Окр. Правлениям и их заменяющим органам периодическую информацию об общем состоянии

Президиум ЦП.

Г. РЕДАКТОРУ ЖУР. „ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО“ И. А. БИЛОМУ

В ответ на Ваше обращение, помещенное в № 200-м ж. „ВК“ „К оппозиционерам в Болгарии“, 3-й Окружной С'езд казаков-националистов в Болгарии, ознакомившись с содержанием вашего обращения, постановил сообщить Вам следующее:

1. Казаки в Болгарии не являются вашими оппозиционерами, как вы изволите нас именовать, а организованными казаками-националистами, имеющими свой законно избранный центр, стоящий на основе широкого народоправства, по обычаю древности и по духу казачьих Конституций.

2. Для смягчения взаимоотношения обеих сторон, одинаково защищающих государственную независимость Казачества, Вам не следовало бы, показывая свою необ'ективность, обращаться к нашему вполне организованному Союзу Казаков Националистов, именуя нас оппозиционерами, и обращаться следовало не тоном „Походного Атамана“, а тоном равнозначущего соратника, добросовестного поборника только казачьей свободы.

3 Ваше обращение не носит характер обращения, направленного к действительному примирению сторон и установлению нормального порядка в рядах казачьего освободительного движения, а в нем заметно только желание подчинить казаков националистов, которые имеют духовное и количественное превосходство над вашей стороной, своей единоличной воле.

4. Вы напоминаете о групповых и одиночных обращениях к „оппозиционерам“, напечатанных в номерах 174, 177, 183 „ВК“, о примирении. Окружной С'езд, ознакомившись с этими обращениями, констатирует один и тот же характер их с отражением Вашим и одну и ту же цену их: безоговорочное подчинение Вашему сомнительному большинству, и Вас признать над всем ВК Походным Атаманом. Такая Ваша постановка вопроса влечет за собою не примирение, а углубление раскола, еще большее озлобление и ненависть.

5. Суммируя все подобные обращения, мы устанавливаем то, что Вы продолжаете играть казачьей идеей „ва-банк“ — очутились перед фактом падения вашего престижа и вашей беспомощности.

6. Ваша инициатива о примирени — интересна, но в ней нет искренности. Казаки-националисты, об'единенные вокруг ЦП., от примирения и об'единения **не отказываются и не откажутся**, они приносят в жертву свои трудовые копейки не для того, чтобы вбивать клин, а для того, чтобы вышибить забитый клин из казачьего тела, но рука Ваша, рука примирения, протянута именно с таким расчетом, чтобы она непременно повисла в воздухе и чтобы в результате получилось впечатление будто Вы „сделали все возможное к примирению“.

7. Если даже Ваша рука и повиснет в воздухе, то все-же назначать Окружной С'езд, как Вы это пишите, Вы не имеете права. Созывать С'езд правомочно только Окружное Правление, которое избрано не принудительной, а доброй волей представителей всего Союза.

8. Если бы у Вас и действительно явилось желание к примирению и об'единению, то в таком случае Вы имеете возможность войти в непосредственные переговоры с Центр. Правлением Казаков Националистов способом, не роняющим ничьего достоинства, и наше ЦП не отказалось бы от серьезных переговоров.

Интересно заметить, что Вы, обращаясь к Предс. Центр. Правления П. Н. Кудинову в порядке личном, как бы не признаете его, как нашего избранника, а сами в это же время подписываетесь титулом: „Походный Атаман“. Смягчению раздора такая нетактичность Ваша не способствует.

9. На основании всего вышеизложенного, считаем, что Ваше обращение в № 200-м „ВК“ не отвечает поставленной Вами цели об'единения.

Настоящее постановление опубликовать ко всеобщему сведению в ближайшем номере журнала „Казакия“.

Настоящее подписали:

Председатель С'езда каз. нац. Болг. Округа А. КОНОВАЛОВ

Товарищ Пред. В. КИЧАПОВ

Секретари: Н. КОВАЛЕВ, А. ЛАВРУХИН

Присутствующие делегаты с'езда и члены Окр. Пр.:

Н. Егоров	С. Поляков.	А. Автономов	В. Николаев
Д. Князев	В. Плешаков	Й. Ломков	Е. Планидин
В. Лошко	Н. Пискунов	И. Васильев	Е. Затямин
И. Кузнецов	Е. Смирнов	М. Борисов	Г. Логвинов
Г. Таран	М. Гусаков	Н. Лапченков	К. Вишняков
И. Евсиков	А. Черников	П. Кудинов	И. Юдин
Г. Чекунов	М. Глазков	Н. Васильев	Е. Кудинов
М. Сальников	Ф. Зинченко	П. Грицинов	Я. Озерин
У. Манжиков	С. Косоротов	А. Анисимов	П. Макаров

1. **Григорий М. Богатырев** стан. Вешенской б.к-р полка восст. В.-Дон. армии.
2. † **Есаул Петр Г. Богатыров** стан. Вешенской, первый соединившийся с восст. арм.
3. **Хорунжий Димитрий А. Колычев** стан. Казанской б.к-р бригады восст. армии
4. Казак **Муругов М.** стан. Суворовской В.В.Д. участ. восст. прот. больш. 1918 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Настоящим прошу дать место в очередном номере „Казакии" нижеследующему моему письму:

В прошлой своей корреспонденции (№ 9—10) я писал о собрании Лиги Возрожд. Каз-ва, на котором читал доклад ст. Тульцев. Так как к моменту моего прихода в помещении, для собрания Лиги публики еще не было, то я ушел оттуда на собрание украинское, и чуть-ли не с кулаками набросился на Буданова. Это мое сообщение обидело членов ЛВК., которые уверяют, что такого случая не было. Настоящим я охотно исправляю эту свою ошибку, допущенную мною в результате неточного информирования меня. Делаю это с тем большей охотой, что в последнее время Лига ВК начинает проявлять похвальную активность и вновь как бы выходить на каз. национальный путь.

Некоторые меня упрекали еще в том, что я в своих корреспонденциях проявляю чрезмерную тенденцию — хвалить чужое (в частности украинцев) и умалять казачье. Конечно, это совершенно несправедливый упрек. Если я писал об „Укр. хате", то только как о положительном явлении, а совсем не из желания захвалить. Тот же факт, что в Париже, где много тысяч казаков, нет ни одного подобного казачьего уголка, бесспорно печальный, и нельзя по этому поводу радоваться.

Вообще в своих корреспонденциях, как правило, я всегда стараюсь быть максимально об'ективным ко всем и во всем, памятуя, что необ'ективная информация прежде всего бьет по престижу автора.

30 апр. 1936. **Ш. Н. Б.**

На докладе д-ра подполк. Гомзина

21.V. Пражская ВК станица устраивала доклад подполковника Украинской армии Д-ра Б. В. Гомзина на тему **„Украина и Казакия** в прошлом, настоящем и будущем". Доклад был организован для той части казачьей эмиграции, которая относится к Украине подозрительно или недоброжелательно, а главное в связи с поднявшимся в Праге вопросом о борьбе с СССР и задачах казачьей эмиграции. Докладчик, по документам Дон. летописи и украинской литературе, осветил взаимоотношения Украины, Юго-Восточного Союза, а потом Дона и Кубани в 1917—20 гг.

Коснулся взаимоотношений Украины и Казачьих Войск в старину и сделал обзор теперешнего положения на фронте борьбы народов с Советами. Украина и Казакия, в прошлом связанные общностью военных и политических интересов и в силу исторической традиции, должны и теперь создать сильный Союз для отпора северному врагу. Украина не имеет поползновений на государственную территорию Казакии, а наоборот заинтересована, чтобы Казакия была возможно сильной. Национальные интересы Украины и Казачества в настоящем диктуют совместную деятельность в борьбе за освобождение, которая во многом зависит от совместных действий. В эмиграции ведется казачьей национальной линией старая политика, связывавшая Украину и Казакию в прошлом в борьбе за освобождение, украинцы поддерживают ее и желают чтобы Казачество, как можно шире об'единилось для совместной борьбы.

Доцент Г. В. Омельченко и Д-р С. Федоров в своих словах привели данные о роли казачьих дипломатических миссий и посольств на Украине, указали на помощь ее Казачеству в деле отстаивания независимости его от СССР и указали путь к дальнейшей работе — путь Казачьей государственности 1917—20 гг., ведший к сотрудничеству и союзу с Украиной.

— Атаман Чехослов. ВК округа И. И. Безуглов на собственные средства построил в Братиславе жилое помещение из комоаты и передней для канцелярии Окр. Правления. Отныне местные вольные казаки избавлены от необходимости устраивать собрания в ресторанах и тратиться на пиво. В канцелярии Окр. Правления всегда свежая пресса — казачьи журналы, газеты чешские,словенские и русские.

23.V. По инициативе Союза Кубанцев в ЧСР, состоялось в Праге собрание представителей Кубанских и общеказачьих организаций, желающих иметь при Министерстве заграничных дел ЧСР, самостоятельный Архив, независимый от эмигрантских группировок иных народностей.

В Праге при министерстве сейчас имеется архив русский, к которому был с прошлого года придан и Донской архив и самостоятельные Белорусский, Украинский и О-ва Кубанцев (частный). Кубанцы ныне пожелали сосредоточить все кубанские архивные материалы в одном месте, организовать сохранность их и парализировать злоупотребление архивным материалом для политической и частной борьбы, как это было раньше, при заведывании Куб. архивом г. П. Макаренко.

Министерство отнеслось благосклонно к этой инициативе и на собрании была основана **Всекубанская Архивная Рада,** во врем. президиум которой были избраны: Председателем полковник Д-р инж. С. А. Федоров, тов. прес. Д-р А. И. Балабас, секретарем Доцент Г. В. Омельченко.

Президиум должен выяснить все условия организации Всекубанского архива при министерстве, приступить к сбору материалов и информировать все вообще Казачество о возможности отныне хранить казачьи материалы исключительно в казачьих руках. Некубанские казачьи организации могут также быть участниками Всекубанского архива.

РОЗЫСКИ

Урядника Куб. Каз. Войска А. Г. Сторчака (ст. Дядьковской) разыскивает его брат Иван. Адрес просит сообщить ему в Прагу — XII, Бельгицка, 8.

Адрес инж. лесовода Петра Ал. Федорова, проживающего в Югославии, просят сообщить его брату Сергею. Прага — XIV. Яромирова, 21.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический информационный журнал

КАЗАКИЯ — КОЗАКІЯ

Условия подписки	на 6 мес.:	на год.	отделного номера
Во Франции	12 фр.	24 фр.	2 фр.
В Чехословакии.	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	60 лева	120 лева	10 лева
В Румынии.	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В Сев. Америке и др. странах.	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.